

ГЛОБАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ

6.4

4 выпуска в год на 17 языках

Социология, политика
и власть

Энтони Гидденс

Греческий
экономический
кризис

Василис Фускас,
Мария Маркантонату,
Джон Милиос,
Спирос Сакелларопулос,
Стратос Георгулас

Право на аборт
в Латинской
Америке

Джулия МакРейнолдз-Перес,
Сусана Лернер, Лусия Мельгар,
Агнес Гийом,
Эрика Буссе

Социальные науки
в арабском мире

Мохаммед Бамъех,
Сетеней Шами,
Идрис Джебари

Специальные колонки

- > Джордж Ритцер о макдональдизации и протреблении
- > Более сорока лет в международной социологии
- > Представляем японскую команду редакторов

ЖУРНАЛ

International
Sociological
Association
isa

ТОМ 6 / ВЫПУСК 4 / ДЕКАБРЬ 2016
www.isa-sociology.org/global-dialogue/

ГД

> От редактора

Обращаясь к прошлому, глядя в будущее

Этот выпуск продолжает наш экскурс в прошлое и будущее, обозревая события последних шести лет, отраженные в «Глобальном диалоге». В фокусе внимания – поворот от бурных социальных движений (Indignados, Occupy, Арабская Весна и пр.) к движениям правых, приведших к власти авторитарные режимы в Египте, Турции, Польше, Венгрии, на Филиппинах, в Аргентине и Бразилии. Этот глобальный тренд отчасти можно объяснить жестким натиском международного капитализма, который подрывает могущество национальных государств, подрывая автономию правительств и дискредитируя официальную электоральную политику, приводя к популизму как правых, так и левых, но все же в большей степени – правых сил.

Поэтому уместно начать этот выпуск с интервью с Энтони Гидденсом, теоретиком и публицистом современности, управляемой, по его выражению, «сокрушительной силой глобализации». Будучи членом Палаты лордов, он продолжает на политической арене отстаивать вопросы, занимающие его как социолога – такие, как изменение климата и следствия цифровой революции.

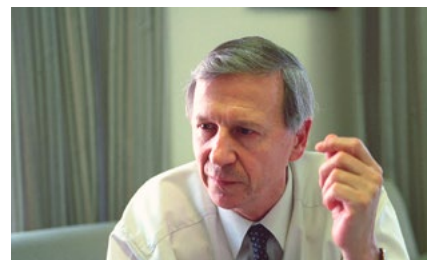
Изнанка глобализации прослеживается в траектории развития движения СИРИЗА, которое сначала едва не обрушило существующую структуру ЕС, а после того, как расклад политических сил изменился, поставившего на колени Грецию. Здесь мы публикуем пять статей, в которых обсуждаются катастрофические последствия политики жесткой экономии, предписанной Греции Европейским Союзом, результатом которой стало, с одной стороны, масштабное обнищание населения, а с другой стороны – невиданные богатства высших классов.

В Латинской Америке правые идеи получают огромное распространение, захватывая страну за страной, что можно рассматривать как реакцию на так называемый «розовый прилив» – более чем десятилетнее верховенство социал-демократии. Мы публикуем три статьи, отражающие эти перемены на примере борьбы с абортами. Новые формы протеста вызывают столкновения с государством в Аргентине, Мексике и Перу. Особый интерес вызывает опыт использования обычных лекарств для контрацепции или прерывания беременности.

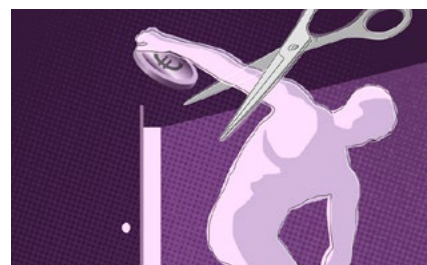
В этом выпуске представлены также три мнения о положении дел в арабской социальной науке. Мохаммед Бамъех начинает дискуссию своей обзорной статьей о состоянии дисциплины. За обобщающим эссе Бамъеха следуют размышления Сетеней Шами о важности изменений в инфраструктуре социальной науки. Идрис Джебари ставит вопрос о последствиях «Арабской весны», полагая, что она продолжает влиять на социальные науки и открывать перед ними новые перспективы.

Мы публикуем отрывок из интервью с известным социологом Джорджем Ритцером, проведенным Лабино Кунушевци, молодым социологом из Косово. Эдвард Тирякьян предлагает нам заглянуть в прошлое, делясь воспоминаниями о конгрессах МСА, начиная с 1974 г. Выпуск заканчивается представлением японской редакционной команды во главе с Сатоми Ямамото, вдохновляющей своих учеников на преодоление трудностей перевода. В этой связи мы рады объявить о выходе «Глобального диалога» на бенгальском – 17-м языке благодаря группе энтузиастов-социологов из Дакки (Бангладеш) во главе с Хабибулем Хондкером.

> «Глобальный диалог» доступен на 17 языках на [сайте МСА](#)
> Присылайте статьи на адрес burawoy@berkeley.edu

Энтони Гидденс, ведущий британский социолог-теоретик, а теперь и член Палаты Лордов, рассказывает о трудностях, с которыми сталкивается социолог в мире политики.

Греческий экономический кризис. Пять статей описывают последствия европейских переговоров на высоком уровне для членства Греции в Евросоюзе.

Право на аборт в Латинской Америке. В трёх статьях рассказывается о борьбе за право на аборт в Аргентине, Мексике и Перу.

«Глобальный диалог» стал возможен благодаря щедрому гранту SAGE Publications.

> Редакторский совет

Редактор:	Майкл Буравой
Помощник редактора:	Гэй Сидман.
Исполнительные редакторы:	Лола Бусуттил, Август Бага.
Редакторы-консультанты:	Елена Здравомыслова, Маргарет Абрахам, Маркус Шульц, Сари Ханафи, Винита Синха, Бенхамин Техерина, Розмари Барбарет, Изабела Барлинска, Дилек Чиндоглу, Филомин Гутьеррес, Джон Холмвуд, Гильермина Джассо, Калпана Каннабиран, Марина Курчиян, Саймон Мападименг, Абдул-мумин Саад, Айсе Сактанбер, Сели Скалон, Савако Сирахасэ, Грацина Скапска, Эвангелия Тастсоглу, Чин-Чун И.
Региональные редакторы	
Арабский мир:	Сари Ханафи, Мунир Сайдани.
Аргентина:	Хуан Игнасьо Пьовани, Пилар Пи Пуиг, Мартин Уртасун.
Бангладеш:	Хабибуль Хаке Хондкер, Хасан Махмуд, Джузель Рана, У. С. Рокейя Ахтер, Туфика Султана, Асиф Бин Али, Хайрун Нахар, Зашрат Джахан Аймун.
Бразилия:	Густаво Танигути, Андреса Гальи, Анжело Мартинс Младший, Лукас Амараль, Бенно Альвес, Хулио Давьес.
Индия:	Ишвар Моды, Рашми Джайн, Джьоти Сидана, Прагья Шарма, Нидхи Бансал, Панкадж Бхатнагар.
Индонезия:	Каманто Сунарто, Хари Нугрохо, Лусия Ратих Кусумадеви, Фина Итрияти, Индера Ратна Иравати Паттинасарани, Бенедиктус Хари Джулиаван, Мохамад Шохибуддин, Домингус Эльчид Ли, Антониус Арио Сето Харджана.
Иран:	Рейханех Джавади, Абдолкарим Бастани, Нияеш Долати, Марджан Намази, Вахид Ленджанзаде.
Япония:	Сатоми Ямамото, Ютаро Симокава, Синся Камео, Мидзуки Итикава, Хаято Исихара, Хироки Кавабата, Хироми Мураками, Кэнта Кадзитани, Кэнта Кусудо, Хиротака Танака, Тийе Ямада.
Казахстан:	Айгуль Забировова, Баян Смагамбет, Адиль Родионов, Гани Мадырбеков.
Польша:	Якуб Баршевски, Адрианна Дроздовска, Кишиштоф Губаньски, Юстына Косьцинска, Камил Липиньски, Миколай Мержеевски, Каролина Миколаевска-Зайонц, Алам Мюллер, Зофия Пенза, Тереза Тележиньска, Анна Вандзель, Юстына Зелиньска, Яцек Зых.
Румыния:	Косима Ругиниш, Корина Брэгару, Николета-Мэдэлина Айлинкэй, Костинел Ануца, Адриана Бондор, Александра Чокэнел, Татьяна Кожокари, Андрей Добре, Юлиан Габор, Стефания Кристина Гьокану, Александра Избэшой, Родика Лисяну, Мэдэлина Маня, Анка Михай, Андрея Елена Молдовяну, Рареш-Михай Мушат, Оана-Элена Негря, Мьоара Параскив, Ион Даниэль Попа, Йоана Силистрару, Элиза Соаре, Адриана Соходоляну, Диана Тихан, Элена Тудор, Кармен Войня, Раиса-Габриэла Замфиреску.
Россия:	Елена Здравомыслова, Анна Кадникова, Ася Воронкова, Елена Никифорова.
Тайвань:	Чжин-Мао Хо.
Турция:	Гюль Чорбаджоглу, Ирмак Эврен.
Медиаконсультант:	Густаво Танигути.

> В номере

От редактора: обращаясь к прошлому, глядя в будущее	2
Социология, политика и власть: интервью с Энтони Гидденсом Питер Коларз, Великобритания	4
> ГРЕЧЕСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС	
Греция: история геополитики и банкротства Василис Фускас, Великобритания	7
Государственные меры жёсткой экономии в Греции Мария Маркантонату, Греция	10
СИРИЗА: от политики субверсии к прагматизму Джон Милиос, Греция	12
Греческий финансовый кризис: выигравшие и проигравшие Спирос Сакеларопулос, Греция	15
Греческие субсидии как государственно-корпоративное преступление Стратос Георгулас, Греция	17
> БОРЬБА ЗА ПРАВО НА АБОРТ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ	
Аргентинское движение в защиту права на аборт в эпоху мизопростолоа Джулия МакРейнолдз-Перес, США	19
Консервативный откат и право на аборт в Мексике Сусана Лернер, Мексика, Лусия Мельгар, Мексика, Агнес Гийом, Франция	22
Аборт как насилие: перуанская борьба Эрика Буссе, Перу	24
> СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ В АРАБСКОМ МИРЕ	
Социальные науки в арабском мире Мохаммед Бамьех, Ливан	26
Новые инфраструктуры социальных наук в арабском мире Сетеней Шами, Ливан	28
Арабские социальные науки до и после “Весны” Идрис Джебари, Ливан	31
> СПЕЦИАЛЬНЫЕ КОЛОНКИ	
Джордж Ритцер о макдональдизации и протреблении Лабинот Кунушевци, Косово	34
Уголок истории: более сорока лет в международной социологии Эдвард Тирьякьян, США	36
Представляем вторую японскую команду редакторов	38

> Социология, политика и власть

Интервью с Энтони Гидденсом

Энтони Гидденс.

ПК: Вы занимались разнообразными темами: теория структуризации, исторический материализм, поздняя модерность и глобализация, трансформация личной жизни и сексуальности, Третий путь, климатические изменения, будущее Евросоюза, а недавно начали работать над изучением последствий цифровой революции. Можно ли сказать, что все Ваши исследования объединены каким-либо лейтмотивом?

ЭГ: Моей основной целью было проанализировать природу модерности, то есть возникновения индустриального общественного порядка и его распространения по всему миру, наверное, наиболее революционного и трансформативного периода истории человечества. С моей точки зрения, история по своей сути прерывиста: не существует единой функционирующей эволюционной модели исторического развития. Люди всегда находятся в определённой ситуации, они действуют в конкретных экологических, социальных и географических контекстах, которые, с одной стороны, определяют то, что люди делают, но на которые, с другой, стороны, эти же люди могут оказывать влияние. Я не разделяю дюркгеймианского взгляда на социальные процессы, изображающего нас как пассивных акторов, а не наделённых знаниями существ, какими мы на самом деле являемся. Гофман (с моей точки зрения, величайший из всех социологов) подчёркивает, что природа повседневной человеческой деятельности основана на обладании людьми определёнными навыками, даже если сами люди этого не осознают. В мои амбиции входило связать эту точку зрения с макроструктурными процессами. Этого непросто достичь, но мне кажется, что это совершенно необходимо: раньше социология нередко указывала на то, что люди – всего лишь

Энтони Гидденс стоит у истоков трансформации британской социологии в семидесятые годы. Он является автором новаторских работ по социальной теории, по-новому интерпретировавших классику в контексте современности. Он занимался вопросом агентности в структурированном мире, связью микропроцессов с макросилами и релевантностью глобализации в повседневности. В последнее время его в основном интересует тема последствий цифровой революции и угрозы человеческому существованию, представляемой климатическими изменениями. Из-под пера Гидденса, бывшего ректора и заслуженного профессора Лондонской школы экономики, члена Палаты лордов (с 2004 года) вышло более 30 книг. В интервью с ученым мы обсуждаем место социологии в политике.

Питер Коларз получил степень PhD по социологии в университете Сассекса, работает политическим консультантом в Technopolis Group. Коларз – автор ряда политических исследований и аналитических записок, составленных, в том числе для министерств Великобритании и для Еврокомиссии. Его книга «Гидденс и политика за пределами Третьего пути: утопический реализм и поздняя модерность» была выпущена издательством Palgrave Macmillan. Данное интервью проходило в Палате лордов Великобритании 8 июня 2016 года.

игрушки, движущиеся под воздействием масштабных социальных условий. Мне хотелось показать, насколько тонкие отношения на самом деле связывают эти вещи. Это одна из причин, по которой я всегда интересовался трансформациями коммуникаций и связи. Трансформация повседневности и идентичности так же важна, как более широкие системы и проблемы, с которыми мы пытаемся разобраться.

ПК: Скажите, пожалуйста, есть ли какой-то один элемент Ваших трудов, который кажется вам наиболее важным для тех, кто стремится к социально-политическим изменениям?

ЭГ: Наверное, это формат, о котором идет речь: невероятная тонкость взаимодействия между тем, как люди выстраивают свои жизни, но в то же время остаются порождением структур, к которым принадлежат. Это так же относится к политике, как и другим сферам. Политические

>>

меры, предпринимаемые с благими намерениями, никогда не достаточны сами по себе и зачастую попросту сходят на нет.

ПК: В своей книге «Гидденс и политика за пределами Третьего пути» я обращаю особое внимание на вашу концепцию утопического реализма. Стали бы Вы пользоваться этим термином сегодня?

ЭГ: Утопический реализм – понятие, которое я использую и по сей день. Главная сложность заключается в том, чтобы объединить утопический идеализм с реальной политикой – ведь на поверхности эти два понятия кажутся диаметрально противоположными. Политика, в основе которой не лежат некоторые идеалы, не имеет четкого направления. В любой момент времени у нас должна быть возможность представить себе потенциальный сценарий развития событий по ту сторону статуса-кво. В то же время идеалы сами по себе без подкрепления действиями – не более чем пустышки. Идеи утопического реализма кажутся мне полезным инструментом повышения нашей сензитивности к роли идеалов. Это понятие помогает выйти за пределы повседневности, с одной стороны, и в то же время показать нам, каким образом идеалы влияют на реальность. Это инструмент для размышления о политике и мире, повышающий нашу восприимчивость. В демократической системе партия, которая стремится лишь победить на выборах, в действительности никогда бы не смогла бы добиться электорального успеха. Подобным образом, партия с красивыми идеалами, которые имеют лишь опосредованное отношение к человеческой повседневности, также не достигла бы успеха. Мы знаем, что эти моменты очень сложно обойти.

ПК: В 1990-е годы Вы активно общались с политиками, обсуждая политические последствия глобализации и возможности Третьего пути. Скажите, каков ваш вердикт политической системе сегодня? Есть ли что-то из того дебата, что кажется вам до сих пор важным и с чем Вы до сих пор, может быть, недостаточно разобрались?

ЭГ: Сейчас не так просто вспомнить, что именно тогда происходило, но в тот момент понятие глобализации, то есть повышающейся взаимозависимости индивидов, организаций, государств по всему миру, являлось достаточно новым, особенно в политическом контексте. Попытки заставить политических лидеров отнестись к этому понятию серьезно поначалу кончались ничем. Политики просто смотрели на меня стеклянными глазами. Затем внезапно все радикально поменялось. Их невозможно было остановить, они постоянно говорили о глобализации, даже если эти разговоры велись на довольно примитивном уровне. К сожалению, большинство политиков (и довольно много социальных учёных) используют понятие «глобализация», чтобы в первую очередь обсуждать распространение глобальных рынков. Движущей силой глобализации сейчас, как, впрочем, и тогда, с экстраординарным прогрессом цифровой революции, в первую очередь были коммуникации, в особенности электронные коммуникации.

Я также пользовался термином «Третий путь», хоть и не очень охотно. Для меня Третий путь не означал разработку политической позиции «между» правыми и левыми, некоего среднего пути. В ещё меньшей степени я воспринимал его как версию неолиберализма, веру в бесконечную мудрость не подверженных контролю рынков. Как я писал в своей книге «Третий путь» в 98-м году, «регуляция финансовых рынков – наиважнейшая проблема в мировой экономике». Я был тогда, да и сейчас остаюсь, человеком, глубоко убежденным в значимости активного управления, которое, однако, не должно приравниваться к государственному

вмешательству, ведь оно в равной степени может исходить из других источников. Я верил и продолжаю верить в возможность развития механизмов глобального управления, какой бы сложной ни оказалась данная задача.

Для меня также одной из ключевых проблем является неравенство (как мог бы заметить любой человек, внимательно читающий то, что я пишу). Оно приобрело ещё большую значимость сейчас из-за экстремального неравенства, возникшего на вершине пирамиды богатства и из-за неспособности повысить производительность и оплату труда для большинства людей, работающих на позициях низового уровня. Книга Томаса Пикетти «Капитал в XXI веке» стала мировым бестселлером, так как она предоставляет убедительную интерпретацию структурных причин, породивших такие шокирующие неравенства, а также некоторые потенциальные стратегии для их уменьшения.

Но, конечно, политика национальна, а мир глобален. И поэтому перед нами стоит важнейшая задача разобраться с тем, как можно примирить национальную политику с глобальной. В значительной степени современный рост популизма объясняется тем, что это очень трудно сделать, а также тем, что всем известно: государственные политики не обладают той властью, о которой они публично заявляют.

ПК: Видите ли вы способ решения этой проблемы – нестыковки между национальной политикой и глобальными трансформациями и неравенствами?

ЭГ: Да, он должен быть. В своей книге о Европе¹ я рассуждаю о необходимости координированной борьбы с проблемой укрывательства от налогов и налоговых убежищ. Также я говорю о необходимости решения проблемы деиндустриализации западной экономики, что привело бы к воссозданию промышленности, хотя и в новых отличающихся от привычных формах. Эта проблема пересекается с проблемой цифровой революции, потому что как только деньги становятся электронными, они могут моментально перемещаться по всему свету. Это один из факторов, который способствует повсеместному распространению укрывательства от налогов. Однако одновременно с этим становится труднее спрятать в разных странах деньги, добытые коррумпированным путём. Мне также кажется, что мировое общественное мнение в настоящее время не готово мириться с представлением о том, что кто-то может безнаказанно скрывать от налогообложения огромные богатства, пользуясь ресурсами глобализации и цифровой революции.

Конечно, в настоящее время эффективное и, тем более, демократическое глобальное управление – это нереализуемая мечта, хотя существует целый ряд агентств, государственных коалиций, а также международных организаций, старающихся совместно работать над решением глобальных проблем. Будет очень интересно посмотреть, к чему приведут Парижские соглашения по вопросам климата. Окажутся ли попытки повлиять на климатические изменения тщетными или все-таки нет? На данный момент мы не можем ничего предсказать, но очевидно одно: эти соглашения очень сильно отличаются от всех прежних документов по этому поводу. И уже заметно, что они оказывают значительное влияние на положение индустрии ископаемого топлива, так как стоимость акций этих компаний падает. Теплится надежда на то, что произойдет поистине глобальная революция в низкоуглеродной энергетике. Фундаментальный вопрос заключается в том, насколько скоро и насколько быстро она произойдёт. Маркс однажды сказал «всё твёрдое тает в воздухе», возможно, что происходящие изменения будут подчиняться этому принципу.

>>>

Посмотрим. Новая волна глобализации, приносящая скорость и размах цифровой революции, будет играть здесь ключевую роль.

ПК: *Часто встречающаяся тема в вашей работе: глобализация как сжатие времени и пространства, обусловленное информацией и коммуникационными технологиями, а также связанные с ней риски и возможности. Как Вы считаете, возможно ли управлять этими изменениями, укротить глобализацию, как вы когда-то сказали, конструктивным образом, или же нам просто следует плыть по течению и посмотреть, что случится?*

ЭГ: Интернет – экстраординарный феномен в плане масштаба его воздействия. Он действительно глобален, более чем мы могли бы ожидать. Он связывает личное и интимное с глобальным. Однако, это лишь один элемент цифровой революции, понимаемый так, как она должна пониматься. Другие элементы – это суперкомпьютеры и роботы. Я считаю суперкомпьютеры первичным звеном. Смартфон в вашем кармане – более серьезная машина, чем суперкомпьютеры нескольких десятилетий назад. Это колоссальная алгоритмическая власть стала доступна простому пользователю, как и организациям, бизнесу и государствам. Практически каждый аспект мирового общества подвержен его влиянию и трансформации. Это мир, в котором почти всё видимое оказывается видимым для всех, так как смартфоны распространены даже в самых бедных обществах в мире. Многие иммигранты, покидающие ущемлённые территории, пользовались смартфонами и GPS, чтобы определить предпочтительные пути движения. Такова миграция XXI века. Таковы и современные угрозы – ИГИЛ, сочетающий средневековое насилие с мастерским владением цифровыми технологиями, представляет собой яркий пример терроризма XXI века.

Многие считают, что цифровая революция порождает фрагментированный мир. Но большая часть инноваций вводилась при государственном вмешательстве. Нередко государства преследовали квазивоенные цели. Интернет кажется эфемерным, но он обладает и физической ипостасью в виде проводов под океанами и спутниками в космосе – а существование и того, и другого обеспечивается как раз государствами. Поэтому я, в отличие от многих, полагаю, что возвращение геополитики не так уж удивительно. Гигантские корпорации и повсеместная реклама – среди движущих сил этих процессов. Это новая среда, и многие изменения, влияющие на нашу жизнь, регулируются не политическим процессом, а властью, будь то власть государства или колоссальных корпораций. Никто не голосовал за мир, в котором порнография свободно доступна и бесплатна. Быть может, это безобидно. Возможно, что и нет. Мы не знаем, потому что это нам в новинку.

ПК: *В таком случае давайте поговорим о современном состоянии политики. Ведутся ли сегодня какие-либо конструктивные дебаты по поводу будущего левых?*

ЭГ: Нам необходимо постараться разработать новую версию левого центризма, которая бы опиралась на социологическое понимание вышеупомянутых изменений, произошедших в ткани мирового человеческого общества и повседневности. Дебаты о Третьем пути опирались именно на анализ основных изменений, трансформирующих нашу жизнь в то время, и нам следует проделать нечто подобное сегодня. Нам следует посмотреть на большие изменения в мире, понять, что делать с ними в политическом плане, увидеть, каким образом они помещаются в

рамку национальной и транснациональной политики. То, что случилось в партии лейбористов с приходом к власти Джереми Корбина, с моей точки зрения, является гибридным эффектом: мы видим, что задействовано напрямую новое цифровое поколение, но многие идеи озвучивались уже много лет назад.

Нам, левым, необходимо смотреть в будущее. Мы уже давным-давно переросли дебат о так называемом Третьем пути. Сейчас нам совершенно необходимы новые идеи. Я также являюсь противником тезиса о том, что теперь всё становится каким-то фрагментированным – мне кажется, что это просто неправда. Нам всё ещё приходится иметь дело с политикой власти, с большими проблемами, например, с задачами построения эгалитарных обществ в контексте глобальных корпораций, с пробелами возврата укрытых от налогов денег? Поэтому власть до сих пор очень важна. Сотрудничество разных государств, национальная демократическая политика и политика Евросоюза остаются чрезвычайно значимыми на мировой арене.

ПК: *Итак, мы подходим к моему последнему вопросу. Вам удалось более удачно, чем многим другим, перейти из академического мира в сферу формальной политики. Было бы интересно услышать ваше мнение о том, что это значит, – быть социологом, работающим в политической сфере. Может быть, Вы хотели бы дать какой-нибудь особый совет и социальным учёным, которым хотелось бы, чтобы их работа оказывала влияние на политику?*

ЭГ: Вы знаете, я в политике, но я не политик. Я был и остаюсь в первую очередь учёным. Для меня лучшей средой является университет. Здесь я чувствую себя как дома. Я давно пытаюсь показать, что в политике невероятно важны идеи и прикладные исследования. Одна из основных проблем учёного, решившего заняться политикой – потенциальная потеря связи с обеими сторонами. Коллеги считают, что ты предал принципы научной объективности, а политики полагают, что ты ничего не смыслишь в практике политической жизни. Можно спокойно потеряться между этими двумя мирами.

Академический и политический миры разительно отличаются друг от друга, и лишь немногие пытаются соединить их напрямую. Исследовательские НКО (think tanks) играют важную роль медиатора между академией и политикой. Они очень сильно зависят от исследований, проводимых в университетах. Они занимаются переводом академических исследований в практические политические меры – и у них намного более близкие связи со СМИ, чем обычно у представителей академического сообщества. Зачастую такие организации находятся в тесном контакте с правительством, а также более широким спектром политических акторов. Я не хочу сказать, что это единственный путь, но когда я решил напрямую заняться политикой в середине девяностых, я обратился в Институт исследований публичной политики – потому что один или два учёных, которых я знал, работали именно там. Там я понял, как можно развить более широкую сеть влияния в политической сфере. У Института и связанных с ним кругов были хорошие связи в других странах, в том числе США. Я так и не стал формальным политическим советником и продолжаю считать себя в первую очередь учёным. ■

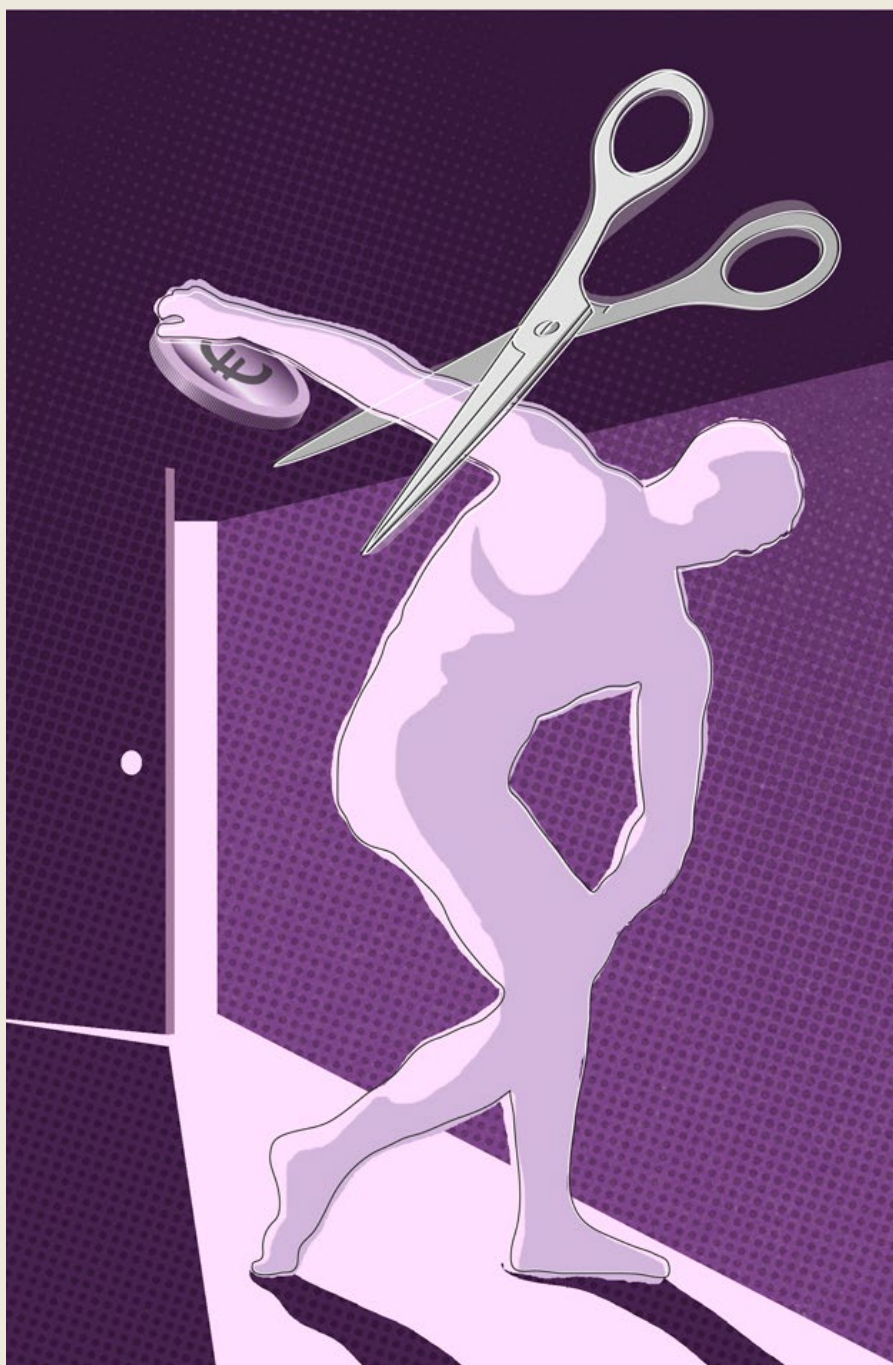
Корреспонденцию направляйте Энтони Гидденсу на адрес Ax.Giddens@lse.ac.uk и Питеру Коларзу на адрес kolarz.peter@gmail.com

¹ Giddens, A. (2014) *Turbulent and Mighty Continent* (second edition). Cambridge: Polity.

> Греция: история геополитики и банкротства

Василис Фускас, Университет Восточного Лондона, Великобритания

Греческую историю символизирует скорее банкротство, чем Дискобол.
Иллюстрация Арбу.

Современное греческое государство было основано в 1830 году в южной оконечности Балканского полуострова и тогда включало в себя полуостров Пелопоннес, южные Балканы, остров Эвбею и архипелаг Киклады. Появление этого государства стало скорее следствием геополитических катаклизмов, чем результатом экономического подъёма национальной промышленной буржуазии. В других государствах в это время бушевали национально-революционные процессы, возглавленные промышленными капиталистами и направленные против феодального способа производства, как, например, это было в случае прусского юнкерского сословия или государства Пьемонт в Италии. Западные имперские державы воспринимали греческое государство как геостратегическую необходимость, стремясь препятствовать территориальной экспансии Российской империи и Египта в Средиземноморье. Геополитические факторы играли доминирующую роль при основании современного греческого государства; сегодня геополитические/геостратегические вопросы имеют первостепенную важность для понимания исторических причин греческого долгового кризиса. С момента основания современной Греции стратегически выгодное географическое положение этой страны используется Западом, не во благо греческому обществу, а в их собственных целях.

>>

> XIX век и международные финансы

Для финансирования войны за независимость против Османской империи греческая элита одолжила крупные суммы у стран Запада. В 1820-х гг. Греция получила два займа объёмом 800 тыс. и 2 млн британских фунтов соответственно. Прimitивный государственный аппарат Греции впервые пришёл к банкротству в 1824-25 гг., когда не смог вернуть долги Франции и Англии. В 1832-33 гг. был заключён контракт на получение Грецией 60 миллионов золотых франков, которые впоследствии были потрачены на правительственные нужды и содержание армии. Это привело к очередному банкротству Греции в 1843 г.

В период между 1827 и 1877-78 гг. Греция была исключена из западных финансовых рынков. В течение этих пяти десятилетий и позже государство прибегало к внутренним займам (довольно безуспешным), при этом стимулируя инвестиционные проекты богатых греков из диаспоры, чей капитал в сфере предпринимательской деятельности, наряду с капиталом еврейских и армянских купеческих классов, в Османской империи играл значимую роль. Вследствие индустриальной неразвитости и того, что низкий уровень промышленности страны не позволял прибегнуть к экономии от масштаба производства, в XIX веке Греция характеризовалась отсталой периферийной экономикой и правительством, находившемся в сильнейшей зависимости от держав-покровительниц. В 1893 г. Греция снова объявила о банкротстве.

Однако плачевное финансовое положение, незамысловатая банковская система и слабо развитый индустриальный сектор не мешали западным державам всегда рассматривать Грецию с точки зрения собственных геополитических интересов. После распада Австро-Венгрии и Османской империи открылся доступ к новым пространствам для России и западноевропейского империализма, а на сцену вышли новые актёры – Германия и Италия. Малые христианские государства на Балканах предлагали Западу великолепные возможности, служа плацдармом для опосредованной войны с турками. К концу Первой мировой войны Османская империя

была отеснена за пределы Европы, сформировались новые границы между Балканами и Восточной Европой, а также между Ближним и Средним Востоком.

Вследствие завоевания земель и увеличения населения (далеко не всегда за счёт этнических греков) в первые два десятилетия XX века существенно активизировалась промышленность Греции. Премьер-министром в то время был либеральный националист Элефтериос Венизелос. При финансовой поддержке Британии Венизелос вёл безнадёжную так называемую опосредованную войну с кемалистами – турецкими националистами – в Малой Азии. Это привело к полной катастрофе как для Греции, так и для современной Турции. В то время как Греция приняла около 1,4 млн христианских беженцев и впервые за свою историю достигла этнической гомогенности, Турция лишилась наиболее предприимчивых представителей купечества и, всецело полагаясь на авторитарное государство в вопросах экономического развития, не смогла прийти ни к этнической, ни к религиозной гомогенности.

Без устойчивой экономической базы и учитывая, что правящая политическая элита Греции была тесно связана с имперскими интересами других стран, Греция не могла извлекать выгоду из собственных геостратегических преимуществ. Поэтому географическое положение страны вместо полезного ресурса стало экономическим бременем. Возникали проблемы платёжного баланса, которые наряду с постоянными займами на поддержание протекционистского, коррумпированного государственно-аппарата порождали невосполнимый долг.

> Финансовый кризис 1929 года и его последствия

Вследствие глобального финансового кризиса 1929 года Греция пережила четвертое банкротство в 1932 г. После этого диктатор Иоаннис Метаксас объявил политику импортозаместительной индустриализации, что значительно улучшило платёжный баланс страны. Кроме того, имперская эстафета была передана США – новой гегемонной державе, и Греция получала дивиденды от холодной

войны: геополитически важное положение страны гарантировало массовый приток американского капитала и займов, одновременно маргинализируя коммунистические силы на территории Греции в период «золотого века капитализма».

Однако Греция по-прежнему оставалась зависимой периферией. Что характерно, в 1960-х гг., когда управляющий Банком Греции Ксенофон Золотас обратился к американскому консулу в Афинах с просьбой выдать кредит, консул ответил, что в таком случае неизбежен геополитический конфликт. По сути, консул заявил, что если Греция хочет взять кредит, то ей придётся согласиться с планами госсекретаря Дина Ачесона на Кипр. Этот план тайно обсуждался членами НАТО и состоял в том, чтобы разделить Кипр между Грецией и Турцией, игнорируя архиепископа Макариоса, тогдашнего выборного лидера Кипра и основателя кипрского движения неприсоединения. Таким образом, геополитический вопрос и проблема внешнего долга решились бы единственной сделкой. Кипр был настолько важен для НАТО и Запада, что США при помощи ЦРУ организовали в Греции военную диктатуру. Демократия была восстановлена лишь в 1974 г., когда Кипр был разделён.

С 1950-х гг. до середины 1970-х включительно Греции не удавалось догнать страны западного экономического ядра. Однако в течение этого периода Греция придерживалась политики, которая позже будет названа неолиберальной, в то время как Запад, напротив, проводил ориентированную на спрос политику кейнсианского толка. Экономическое развитие Греции было ориентировано на предложение и имело монетаристский характер, преимущественно в связи с политикой холодной войны. Несмотря на то, что просоветские коммунистические левые потерпели поражение в гражданской войне 1944-49 гг., они всё ещё пользовались широкой поддержкой масс. Ввиду этого консервативное правительство опасалось любых открытых политических действий со стороны гражданского общества. Как участие граждан в политической деятельности, так и ориентированная на спрос экономическая политика не были претворены в жизнь до 1974 г.

>>

Однако после 1974 г. несколько последовательных кабинетов министров под предводительством консерватора Константиноса Караманлиса (1974–1981) и затем социалиста Андреаса Папандреу (1981–89, 1993–96) сдвинули политический курс Греции в сторону спроса, обеспечивая государственный аппарат кадрами, принадлежащими к соответствующим политическим партиям, национализируя частные предприятия и, главным образом в 1980-е гг., финансируя греческое государство благосостояния посредством беспорядочных внешних и внутренних займов, а не при помощи налогообложения. Даже вступив в Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) в 1981 г., Греция продолжала вести ориентированную на спрос политику, в то время как большинство стран Запада уже совершали переход к неолиберальной глобализации/финансиализации.

Каждый раз на передний план выступают геополитические соображения: Греция была принята в ЕЭС за пять лет до Португалии и Испании, что было частью стратегии, направленной на стабилизацию южного фланга НАТО, в то время как американские капиталовложения в Греции иссякали.

В 1980-х гг. главную роль в греческой экономике играл немецкий и французский капитал, что дало толчок к принятию неолиберального курса, позволившего использовать Грецию в качестве стартовой площадки для распространения финансовых услуг в странах Балканского полуострова.

> Ухудшение экономической ситуации в еврозоне

В последующие два десятилетия и особенно после вступления страны в еврозону в 2001 г. Греция стала резко сдавать конкурентные позиции. Исчезли традиционно прибыльные отрасли, например, текстильная промышленность. В греческой экономике доминировали финансовые и банковские услуги, которые распространялись на Балканах и Ближнем Востоке. Государственные активы приватизировались один за другим. Зависимость страны от внешних и внутренних займов усилилась до такой степени, что, учитывая открытость государственных активов для западных покупателей и утрату собственной валюты, можно задуматься о том, насколько адекватно термин «зависимость» описывает глобально-экономическое положение Греции.

Когда глобальный финансовый кризис просочился в еврозону, Греция пострадала сильнее всего, так как являлась слабым звеном нео-имперской финансовой цепи накопления капитала. Двадцать лет неолиберальной финансиализации, за которыми последовали режим строгой экономии и антикризисные соглашения, не помогли справиться с давними экономическими проблемами Греции: промышленной отсталостью, нездоровым состоянием государственных институтов, отрицательным сальдо текущего платёжного баланса и налоговыми проблемами. Требуются активные государственные вложения, меры по созданию новых промышленных и сельскохозяйственных секторов с опорой на нишевое производство, развитие технологий производства солнечной энергии и экологически ориентированного роста. При этом независимая внешняя политика поможет Греции извлечь выгоду из своего геостратегического положения и выполнять пацифистскую миссию на беспокойных Балканах и на Ближнем Востоке. Если эти изменения не могут произойти в рамках нынешней структуры еврозоны, то это проблема еврозоны, а не Греции. ■

Корреспонденцию направляйте Василису Фускасу на адрес v.fouskas@uel.ac.uk

> Государственные меры жёсткой экономии в Греции

Мария Маркантонату, Университет Эгейского моря, Греция

Уличный торговец одежды складывает свой товар перед закрытым магазином в центре Афин. Фото: Петрос Яннакурис/AP Photo.

Еврозона с самого своего возникновения придерживается рекомендаций великого либерального экономиста Фридриха Хайека, в частности изолирует финансовую и налоговую политику от национальных государств, а, следовательно, от демократических процессов и контроля. Такой проект реализуется посредством якобы независимого Центрального банка и институциональной рамки, требующей от гетерогенных экономик разных стран подчинения единым валютным правилам – даже в том случае, если это не одинаково выгодно для всех стран-участниц (как было в эпоху золотого стандарта). С началом глобального кризиса рыночная ориентация еврозоны стала яснее. Несмотря на то, что некоторые политические силы Греции в рамках проекта европейской интеграции изначально поддерживали идею о развитии социального обеспечения, с 2010 года управление кризисом, особенно в отношении Греции, свидетельствует о крушении идеи «социальной Европы».

С 2010 г. Греции навязывается бескомпромиссный экономический либерализм, в первую очередь, страна вытесняется с международных рынков. В течение последних шести лет правительства различной политической ориентации (социал-демократическое, правое, левое, технократическое, временное, различные коалиции) спешно принимают десятки новых законов и мер в рамках так называемых «Меморандумов о взаимопонимании», договоров между Грецией и

её международными кредиторами. Чтобы Греция получила доступ к кредитам на покрытие платёжных и долговых обязательств, были приняты меры жёсткой экономии и законы, направленные на улучшение условий развития бизнеса в стране; также была запущена программа приватизации, и таким образом происходит дальнейшее сокращение греческой системы социального обеспечения, уже и так потерявшей в объёме с середины 90-х гг.

Начиная с первого Меморандума и вплоть до недавно выпущенного третьего, ограничение расходов превратилось в новую доктрину. Продолжаются угрозы, давление и, по сути, психологический терроризм со стороны кредиторов, обсуждающих возможные последствия возможного «грексита» (выхода Греции из Евросоюза), несмотря на интенсивное сопротивление греков, в том числе сотни забастовок, демонстраций, протестов и захватов общественных пространств, возникновение новых социальных движений и политических партий, настроенных против соглашений о режиме строгой экономии.

В результате политики жёсткой экономии ВВП Греции с 2010 года упал более чем на 27%, что сравнимо с падением ВВП США в 1930-х гг. Уровень жизни серьёзно понизился, зарплаты и пенсии были урезаны на 20-50%, в то время как налоги, напротив, резко выросли; широкие слои населения оказались за чертой бедности. Также наблюдается стремительное

снижение расходов в бюджетном секторе; тысячи служащих были уволены, а приём на работу остановлен; в то же время посредством ускоренных процедур была проведена приватизация оставшегося государственного имущества. Бюджетные учреждения – от государственных предприятий до школ, больниц и даже интернатов – были закрыты или претерпели слияние без должного рассмотрения дел. В результате оставшиеся институты оказались перегружены, а, следовательно, не справляются с ростом социальных потребностей, что привело к резкой деградации государственных услуг, включая здравоохранение, образование и социальное обеспечение.

Уровень безработицы к 2014 году взлетел до 27% по сравнению с примерно 9% в 2006 г. Трудящиеся классы Греции больше не видят перспектив на лучшее будущее: ясно, что экономика восстановится не скоро. Более половины всей молодёжи Греции не трудоустроено, и в условиях растущей прекарности новые лица на рынке труда сталкиваются с серьёзными проблемами. Семьи стали в меньшей степени способны прокормить детей и пожилых граждан вследствие урезания заработных плат и пенсий. Это бросает вызов греческой фамилистской модели, где семья является высшей ценностью, и ставит под угрозу остаточное социальное обеспечение, не получившее столь же полного развития, как в Северной Европе. Несмотря на то, что фамилистскую модель часто считают симптомом недоразвившегося капитализма – а именно этот взгляд характеризует «модернизирующие» реформы, предложенные в Меморандумах ЕС – на данный момент нет доказательств, что Греция движется в сторону европейского социального государства в какой бы то ни было его форме. Трактую греческую фамилистскую модель и остаточное социальное государство как нечто нуждающееся в «реформе», кредиторы настаивают на дерегулировании и переключении на рыночную модель, что подразумевает, что теперь социальные гарантии станут доступны лишь тем, кто сможет их себе позволить.

Дерегулирование в этом смысле не является результатом социального консенсуса или какого-либо диалога между социальными акторами. В течение всего кризиса в непрозрачном порядке принимаются государственные и надгосударственные решения, влекущие за собой «чрезвычайные меры», которые отражают приоритеты кредиторов и греческих элит. В этом процессе размываются границы между соответствующими задачами и функциями национальных и международных политических акторов. Греческий электорат отстранён от принятия политических решений, а конференции Еврогруппы и Совет по экономике и финансам заменяют функции парламента. Навязывание «технократического правительства» в 2011 г., когда глава международного банка стал премьер-министром страны, знаменует собой вершину описанного процесса. Тем временем демократические инструменты потеряли эффективность – на протяжении всего периода кризиса референдумы отменялись или воспринимались как не состоявшиеся.

Нигде, как в сегодняшней Греции, так ярко не проявляется идея Карла Поляни о том, что разделение между экономической и обществом является неотъемлемой составляющей рыночного либерализма. Это разделение формирует тип либерализации, при котором государство дополнительно регулирует рынок. Рыночная система, будучи далека от логических противоречий, согласно Поляни, всегда является продуктом намеренного вмешательства со стороны государства. Данный паттерн также проявляется в соглашениях Меморандумов, представляющих собой, возможно, наиболее массовую и глубокую политическую интервенцию в истории Европейского Союза.

Согласно взгляду Поляни, в условиях капитализма XIX века либералы возлагали вину за кризис или упадок саморегулируемого рынка на определённые социальные группы. Подобным же образом в современной Греции основной нарратив возлагает ответственность за плачевную экономическую ситуацию на общество: работники получали чересчур высокую зарплату, чиновники были слишком многочисленны, социальные льготы – слишком щедры, а государственной собственности было чересчур много. Таким образом, контролируемый сверху режим жесткой экономии представляется закономерным наказанием, направленным на прекращение общего расточительства и восстановление рыночной логики.

Управление кризисом в Греции является частью стратегии институционализации государственной экономики во всей еврозоне. Одним из инструментов этой стратегии стал Бюджетно-налоговый пакт, дающий якобы политически нейтральным властям Евросоюза дополнительный контроль над национальными бюджетами. Однако кризис также выявил структурные недостатки и слабые стороны Европейского валютного союза. Выраженный курс экономики еврозоны на конкурентно-ориентированный неомеркантилизм, приводит к усилению электорального влияния праворадикальных и неофашистских сил. Оптимизм в отношении европейской интеграции постепенно уступает место политическим призывам к усилению национального и государственного суверенитета – а ведь эти понятия считались устаревшими всего несколько лет назад. Предложения «больше Европы» и «больше политической интеграции», поступающие от соответствующего политического лагеря, теперь звучат риторически. Элита еврозоны больше озабочена укреплением экономического либерализма, чтобы иметь возможность противостоять любым усилиям по облегчению режима жёсткой экономии или бюджетной дисциплины в странах, идущих по пути структурных преобразований, и препятствовать росту фондов трудовых и государственных инвестиций, а также возмещению долгов.

Карательное ограничение расходов, конституционализированная бюджетная дисциплина и неолиберальный внутриевропейский колониализм – всё это способствует ухудшению условий труда и дальнейшей прекаризации, усугубляет социальное дерегулирование и политическую нестабильность как в Греции, так и в других странах. Пока не появится убедительный план выхода из режима жесткой экономии, будет обостряться асимметрия между национальными экономиками и социальное неравенство между классами, а среди рядовых граждан различных стран будут укрепляться представления о том, что ключевые решения принимаются где-то в другом месте, некими безличными международными элитами. При данном климате евроскептицизм, антиглобалистские требования и аргументы в пользу упразднения еврозоны будут привлекать всё больше сторонников. Вопрос в том, какую политическую форму примут эти требования и аргументы, и какие силы окажутся доминирующими. Одержат ли победу те, кто борется за демократизацию и отступление от неолиберализма? Или же праворадикальные силы Европы смогут осуществить националистический поворот? До нынешнего момента маятник «двойного движения», о котором писал Поляни, заставляет нас предполагать, что рыночные силы и их политические представители выйдут из такой битвы победителями, нанося урон демократии и повышая перспективы мрачных сценариев будущего. ■

Корреспонденцию направляйте Марии Маркантону на адрес mmarkant@soc.aegean.gr

> СИРИЗА:

от политики субливерсии к прагматизму

Джон Милиос, Национальный технический университет Афин, Греция

Демонстрация сторонников партии СИРИЗА в Афинах.

Партия СИРИЗА была сформирована в 2004 г. как относительно свободная коалиция, включавшая в себя более десятка левых течений и политических групп. Формирование партии стало результатом процесса, начавшегося в 2000 г., когда большинство политических группировок, позже вошедших в СИРИЗА, принадлежали к греческому и европейскому движению альтерглобализма. В 2001 г. несколько тысяч греческих левых приняли участие в протесте против саммита Большой восьмёрки в Генуе, что, вероятно, было самой большой антиглобалистской демонстрацией в истории Европы. Многие участники протеста принадлежали к политическим организациям, позже сформировавшим

>>

СИРИЗА – коалицию, ставшую устойчивой опорой левых сил на политической арене и в греческом парламенте.

С исторической точки зрения СИРИЗА является наследницей четырёх основных традиций: коммунистической (где отмечаются прения между бывшими просоветскими и еврокоммунистическими группировками), внепарламентской левой традиции (внутри которой есть собственные прения – в основном между троцкистами, маоистами и радикальными еврокоммунистами), движения альтерглобализма начала 2000-х и греческой реформистской социал-демократической традиции. Последняя особенно заметно проявилась в контексте СИРИЗА после переломных выборов 2012 года, когда потерпела поражение греческая социал-демократическая партия ПАСОК (Всегреческое Социалистическое Движение). В 2012 г. за партию СИРИЗА проголосовало почти 27% избирателей, тогда как в 2009 г. ей удалось набрать лишь 4,6% голосов. Тем временем ПАСОК резко сдала позиции, получив 13,8% голосов в 2012 г. по сравнению с почти 44% в 2009 г. Со времени падения военной диктатуры в 1974 г., ПАСОК доминировала в парламенте попеременно с партией правого толка «Неа Демократиа». Однако в январе 2015 г. популярность ПАСОК упала до 4,6%, а СИРИЗА стала правящей партией, получив более 36% голосов избирателей.

СИРИЗА продолжала развиваться. В 2012 г. СИРИЗА стала главной партией оппозиции, и с этого момента она постепенно шла к реформистской позиции, смещаясь в сторону «прагматизма» и проводя различие между «старой четырёхпроцентной СИРИЗА» и «новой двадцатисемипроцентной СИРИЗА». В этот период к партии также присоединились многие бывшие члены ПАСОК. На выборах в Европейский парламент в 2014 г. СИРИЗА лидировала с 26,5% голосами, и, казалось, была готова войти в правительство в качестве ведущего партнёра коалиции на предстоящих национальных выборах. Призывая членов партии задуматься об «эффективности» и «обеспечении нашей победы на выборах», многие лидеры СИРИЗА начали заигрывать с левоцентристскими политиками и мелкими левоцентристскими формациями.

Официальный язык партии в СМИ, её лозунги и провозглашаемые задачи стали меняться. Прежний лозунг, «За правительство левых», был постепенно заменён самоопределением в качестве «Правительства национального спасения». Программная цель – «Перераспределение власти, богатств и доходов на благо труда» – была заменена на «Продуктивное восстановление страны». Такие программные позиции, как демократический контроль граждан над обществом и экономикой, развитие самоуправляемых, кооперативных процедурных схем и вне рыночной социальной экономики, были отодвинуты в сторону.

В предвыборной программе партия СИРИЗА обещала положить конец государственной экономии и заключить сделку с кредиторами страны с целью финансирования греческой бюджетной сферы. Через несколько недель после прихода партии к власти эти обещания уступили место переговорам о послаблении режима, определённого Меморандумом о взаимопонимании, и предварительному соглашению, подписанному премьер-министром Я. Вару-

факисом в феврале 2015. Варуфакис никогда не состоял в партии СИРИЗА и не поддерживал ни одно из левых течений. Вскоре после назначения премьер-министром он публично дистанцировался от программных позиций СИРИЗА. По его словам, кризис равным образом делает своей жертвой все социальные классы, вследствие чего премьер ратует за ориентированную на экспорт экономическую модель, отвергая подъём заработной платы как меру, ослабляющую конкуренцию. Таким образом, его публичное заявление о том, что 70% мер, указанных в Меморандуме, благоприятно скажутся на Греции, не является случайным.

Однако СИРИЗА пришла к власти не благодаря обещанию поддержать 70% мер Меморандума. Если бы это было так, возможно, СИРИЗА сегодня вообще не оказалась бы в греческом Парламенте и уж тем более не играла бы в нём ключевую роль. Позиция, отражённая в заявлениях Варуфакиса, переопределила мандат партии СИРИЗА, практически вылившись в попытку придать иной облик социальной общности, до того момента поддерживавшей исторически беспрецедентный эксперимент – правление левых в Греции.

Принятое в феврале 2015 г. соглашение ясно демонстрирует, что греческое правительство вело переговоры в рамках европейского неоллиберального режима экономии, пытаясь найти фиговый листок, чтобы скрыть уступки, на которые оно пошло. В качестве фигового листка выступила, с одной стороны, умеренно-центристская программа по «прекращению гуманитарного кризиса» (посредством предоставления энергетических субсидий, талонов на еду для крайне бедных слоёв и т. д.), а с другой – отказ от прямого номинального сокращения зарплат и пенсий при сохранении существующих директив касательно массовых увольнений и низких ставок НДС для определённых категорий базовых потребительских товаров. Правительство поступило своей предвыборной программой, согласившись на договор, который позволил всего лишь оставить нетронутыми неоллиберальные институциональные и экономические рамки в Греции с надеждой избежать дальнейших мер жёсткой экономии в отношении слоёв с низким и средним уровнем дохода.

Тем не менее, кредиторы так и не приняли вышеописанных предложений, вместо этого собираясь и дальше финансировать Грецию при помощи углублённой неоллиберальной политики, включающей дальнейшее урезание зарплат и пенсий (так называемый «план Юнкера»). В переговорах прошло ещё пять месяцев, а греческое правительство так и не получило ни одного обещанного транша от кредиторов. При этом Греция продолжала выплачивать долговые обязательства Европейскому центральному банку (ЕЦБ) и Международному валютному фонду (МВФ) до тех пор, пока не были истощены все государственные фонды и в конце июня 2015 г. не возникла задержка выплаты очередной порции долга МВФ, поскольку государство осталось практически без денег. Тогда премьер-министр А. Ципрас созвал референдум по вопросу о «плане Юнкера». В преддверии голосования Греция была вынуждена ограничить снятие средств со счетов греческих банков (устроить «банковский выходной» и обеспечить «контроль капитала»), так как ЕЦБ отказался ссудить банкам дополнительные налич-

Алексис Ципрас, в какой-то момент оказавшийся фаворитом европейских левых, выступающих против жёсткой экономии.

ные, в то время как встревоженные вкладчики забирали свои сбережения из банков.

Референдум выявил классовые и социальные различия, десятилетиями остававшиеся в тени. Шла борьба между двумя «Грециями»: бедняки, наёмные работники и многие мелкие предприниматели требовали ответа «Нет», а высшие классы агитировали за ответ «Да». При том, что банки были закрыты, СМИ предупреждали, что ответ «Нет» приведёт к катастрофе, а работодатели принуждали работников голосовать за ответ «Да», почти две трети греков (61,3%) сказали «Нет», проголосовав на референдуме за отмену плана Юнкера. Однако правительство в Парламенте превратило «нет» в «да», скооперировавшись с консервативной оппозицией. В июле 2015 г. СИРИЗА подписала новый Меморандум, практически идентичный «плану Юнкера», что описывалось как результат шантажа, как поражение Греции в борьбе с кредиторами и догматичной европейской элитой.

Данная интерпретация созвучна мнению, распространённому внутри партии СИРИЗА и рассматривающие Меморандумы либо как экономическую ошибку, которая никак не может спровоцировать рост, либо как атаку «иностранных интересов». Таким образом, финальная капитуляция партии СИРИЗА представляется «героическим падением в неравной борьбе», по определению некоторых членов партии. В будущем ситуацию могут переломить соответствующие государственные меры, такие как борьба с коррупцией и модернизация городских инфраструктур. Однако режим жёсткой экономии – это не просто «ошибочная политика», но классовая стратегия, ставящая интересы капиталистов выше интересов работников, безработных, пенсионеров и экономически уязвимых групп населения. Такая политика предоставляет меньше трудовых прав, предоставляет ничтожные социальные гарантии, предполагает низкую и гибкую заработную плату, а также лишает население полноценного переговорного потенциала.

Если все аспекты социальной жизни будут подвержены неограниченному влиянию рынка, через некоторое время может возникнуть политический риск для неолиберального истеблишмента, так как подобная ситуация может спровоцировать неконтролируемый взрыв социального протеста. Политический риск представлял собой мощное оружие, когда греческие трудящиеся классы и СИРИЗА хотели вместе остановить жёсткую экономию. Однако это оружие было доступно лишь при условии, что СИРИЗА будет придерживаться своей первоначально заявленной программы и сохранит приоритет благополучия людей над прибылью.

Однако эта партийная стратегия была отодвинута в сторону после победы на выборах в Европарламент в 2014 г. С этого момента СИРИЗА стала следовать реформистскому неолиберальному пути, что являлось необходимым условием «роста и стабилизации». Корни этого сдвига лежат не только в новых задачах, вставших перед СИРИЗА как правящей партией, но и в греческой пост-сталинистской левой политической традиции. Патриотический реформизм, характерный для последней, отличается сочетанием этатизма и экономизма. Этатистская идеология утверждает, что формирование левого правительства является необходимым и достаточным условием политических изменений. Экономизм считает социальную эволюцию результатом развития производительных сил, которые, как считается, неизбежно приведут к трансформации производственных отношений.

Подписав новый Меморандум, СИРИЗА согласилась на очищение греческой институциональной рамки и греческого рынка труда от «ригидности», которая, по сути, отражает прежние победы трудящихся в области трудовых прав. СИРИЗА остаётся доминирующей партией на греческой политической арене, однако сегодня её скорее стоит считать мейнстримовой социал-демократической партией, чем радикально левым движением. ■

Корреспонденцию направляйте Джону Милиосу на адрес john.milios@gmail.com

> Греческий финансовый кризис: выигравшие и проигравшие

Спирос Сакелларопулос, Университет «Пантеон», Греция

График показывает подъем уровня бедности и неравенства доходов с момента начала греческого кризиса.

В начале 2010 г. премьер-министр Греции Георгиос Папандреу пришёл к заключению, что состояние греческих государственных финансов настолько плачевно, что стране не стоит и надеяться на займы на глобальных рынках, а, следовательно, невозможно продолжать погашение национального долга.

Вопреки распространённому мнению, проблемы Греции не были обусловлены высокими зарплатами греческих трудящихся и не являются результатом государственного расточительства. В самом деле: греческие зарплаты составляют лишь 83% от среднего уровня по странам ЕС-15 (т.е. странам, входившим в Евросоюз до его расширения в 2004 г.), в то время как государственные расходы на душу населения составляют примерно такую же долю национального

ВВП, как и в среднем по всему блоку. Гораздо вероятнее, что причиной греческого финансового кризиса является стратегия национального правящего класса и характер её интеграции в международное разделение труда, особенно после вступления Греции в Европейский экономический союз (ЕЭС) в 1981 г. и в Европейский валютный фонд (в 2002 г.). Неспособность греческого капитализма конкурировать в условиях единой валюты привело к краху ВВП страны и последующему росту соотношения между национальным долгом и ВВП.

Как бы то ни было, в начале 2010 г., в надежде осуществить платёжные обязательства по задолженности французским и немецким банкам, выдавшим Греции большую часть кредитов, и с целью избежать банкротства, которое бы превратило греческую проблему в общеевропейскую, было решено, что

Греция получит кредиты от Евросоюза, Европейского центрального банка и Международного валютного фонда.

Однако прежде чем взять деньги в долг, Греция должна сначала принять меры жёсткой экономии. С 2010 по 2016 г. были приняты три Меморандума об экономическом сотрудничестве, среднесрочная программа и восемь комплексов чрезвычайных мер. Эти документы предполагали, помимо прочего, урезание зарплат чиновников, сокращение пенсий, уменьшение минимального размера заработной платы (с €751 до €586 для большинства греков до €490 для граждан моложе 25 лет), увеличение НДС с 19% до 24%, повышение налогов на недвижимость, введение новых гибких форм трудоустройства, массовые сокращения в государственном секторе, рост регрессивных налогов и многое другое.

>>

Насколько эффективной стала такая политика? Прежде всего, отметим, что государственный долг – причина, по которой были приняты все эти меры – продолжает расти, как в абсолютном измерении, так и в относительном. В 2009 г. долг составлял €300 млрд, к концу же 2015 г. он вырос до €314,4 млрд. Поскольку греческая экономика за этот период ослабла, соотношение национального долга к ВВП взлетело с 126,7% до 179%. Тем временем уровень безработицы вырос с 9% в 2009 г. до 23,5% в мае 2016 г., а ВВП упал с € 237,4 млрд в 2009 г. до €179 млрд в 2015 г.

Статистика демонстрирует неэффективность всех принятых мер. Однако более тщательный анализ показывает, что в результате данной политики возникли группы выигравших и проигравших. На проигравшей стороне оказались, во-первых, трудящиеся классы (наёмные работники, мелкие и средние сельскохозяйственные производители). Во-вторых, стоит отметить, что лишь 15% безработных на данный момент являются получателями пособий по безработице; до кризиса пособия получали 40% безработных греков. Доля граждан, неспособных удовлетворить свои базовые потребности, возросла с 11% до 20%; сегодня более миллиона греков живут в домохозяйствах, где ни один член семьи не трудоустроен или же где трудоустроенные члены семьи работают менее трёх месяцев в году. 50% пенсионеров получают пенсию размером менее €500 в месяц. Уровень бедности в стране вырос с 27,6% в 2009 г. до 35,7% в 2015 г.

Уровень дохода снизился даже у тех, кому удалось сохранить работу. Доля зарплат в национальном ВВП упала с 64% до 54%; в целом наёмные работники потеряли треть своей покупательной способности. Средняя покупательная способность греков упала с 84% от средней по ЕС-15 до 65%. В период с 2008 по 2015 гг. 427 000 греков эмигрировали, большинство из них имели университетское образование. Из 849 289 греческих предприятий, действовавших в 2008 г., к

2014 г. выжили лишь 692 286. Также обострилось социальное неравенство: соотношение между доходами богатейших 20% и беднейших 20% населения выросло с 5,6/1 до 6,6/1.

Понижение уровня жизни в Греции также отразилось на демографических данных. Расходы на здравоохранение снизились на 25%. В период с 2011 по 2014 гг. (это самая актуальная доступная статистика) смертность превысила рождаемость. Младенческая смертность выросла на 51%.

Но кто же выиграл от политики жёсткой экономии? Среди крупнейших победителей – иностранные банки, которым в начале кризиса причиталась большая часть греческого долга. В июне 2010 г. общий долг государственного и частного секторов перед иностранными банками составлял \$252,1 млрд, из них 75,1% причислялись французским (\$83,1 млрд), немецким (\$65,4 млрд) и американским (\$36,2 млрд) банкам. К декабрю 2010 г. сумма задолженности иностранным банкам снизилась на 42%, до \$145,7 млрд (\$56,7 млрд французским, \$34 млрд немецким и \$7,3 млрд американским банкам). По условиям первого Меморандума банкам предоставлялось время, чтобы успеть продать значительную часть греческого долга; такой паттерн стал ещё очевиднее в декабре 2011 г., когда иностранные банки сократили принадлежащий им объём греческого долга до \$35 млн. К выборам 2012 г. иностранным банкам удалось почти полностью распродать греческий долг.

Теперь о том, кто оказался выигравшим в самой Греции. В 2010 г. годовая выручка самых прибыльных греческих компаний составила около €2,2 млрд; к 2014 году эта сумма выросла до €10,2 млрд. 300 компаний с самой большой выручкой (за исключением финансового сектора) с 2009 по 2014 г. увеличили свой оборот с 53,6% от общего оборота до 59,8%, а их активы выросли с 42,2% до 44,0%.

Последнее, но немаловажное замечание: в 2011 г. 445 греков владели состояниями, превышающими €30 млн, а в общей сумме составляющими €50 млрд – примерно 24% ВВП Греции. К 2014 г. эта привилегированная группа немного расширилась: в этом году суммарный капитал 565 богатейших людей Греции составлял €70 млрд или 39,5% ВВП. В 2014 г. к данной элитной группе принадлежало одиннадцать греков-миллиардеров, чей суммарный капитал составлял €18 млрд, в то время как в 2013 г. суммарный капитал греческих миллиардеров равнялся €16 млрд.

Вышеописанные изменения отразились в греческих паттернах социальной стратификации. Согласно недавно проведённому опросу, сегодня греческая буржуазия обеспечивает 2,8% ВВП страны (в 2009 г. эта цифра составляла 3,2%); богатые фермерские классы – 0,6% ВВП (в 2009 г. – 0,7%), традиционная мелкая буржуазия – 7,0% (в 2009 г. – 7,3%), новая мелкая буржуазия – 21,9% (в 2009 г. – 29,5%); средние фермерские классы – 1,2% (в 2009 г. – 1,9%), бедные фермеры – 7,3% (в 2009 г. – 7,4%). В то же время рабочий класс обеспечивает 59,2% ВВП Греции (цифра выросла по сравнению с 49,1% в 2009 г.).

Каковы бы ни были причины введения политики жёсткой экономии, её последствия имеют яркий социальный профиль. Крупные зарубежные банки под покровительством международных финансовых институтов и стран их базирования заботятся о собственных интересах. Несмотря на потери, связанные с экономической ликвидацией ряда секторов, экономическая элита приумножает богатства и увеличивает прибыль, интенсивно эксплуатируя локальный класс трудящихся и пользуясь упадком малого и среднего бизнеса. ■

Корреспонденцию направляйте Спиросу Сакелларопулосу на адрес sakellaropoulos@gmail.com

> Греческие субсидии как государственно-корпоративное преступление

Стратос Георгулас, Университет Эгейского моря, Греция

Кто получает выгоду от субсидий?

интересам могущественных стран и транснациональных компаний, сильно влияют на жизни людей, особенно граждан «развивающихся стран». Такие программы, как «Погашение задолженности» в Греции, приводят к политической нестабильности, а затем к формированию патерналистской или протекционистской системы управления, которая, в свою очередь, порождает организованную преступность, коррупцию, авторитаризм, государственные репрессии, применение пыток и даже возможность геноцида.

Мы живём в Греции, где реализуются положения Меморандумов о руководящих принципах управления, которые были приняты межправительственными соглашениями и наднациональными организациями, такими как международные кредитные учреждения. Мы наблюдаем связанные с этим нарушения прав человека и повсеместный социальный ущерб. Меры, принятые в соответствии с «программами погашения долга», напрямую влияют на уровень жизни и нарушают права человека, которые Греция обязана соблюдать, уважать и защищать по внутреннему, региональному и международному законодательству. Крупномасштабные изменения, навязанные экономике и обществу Греции, приводят к резкому падению уровня жизни и не совместимы ни с социальной справедливостью,

Международное академическое сообщество с недавних пор пытается дать определение «государственно-корпоративной преступности», то есть, нелегальным или пагубным для общества действиям, совершённым в результате коммуникации между политическими институтами управления и экономическими институтами производства и распределения.

С политической и исследовательской точек зрения термин соответствует тому, что часто называют коррупцией, однако здесь есть два важных различия. Во-первых, стремление криминализировать государственно-корпоративные преступления направлено на защиту прав человека и предотвращение социального ущерба. Преступность такого рода является гораздо более частой причиной смертельных исходов, физического и других видов ущерба, лишения собственности и

средств к существованию, чем такие общепризнанные уголовные деяния, как убийство, покушение, кража и т. д.. Во-вторых, корни государственно-корпоративной преступности тесно связаны с простыми, не криминальными политическими и социальными действиями: в основе нашего капиталистического общества лежит взаимозависимость между государством и капиталом, обеспечиваемая либо конвертацией бюджетных денег в частные контракты, либо предоставлением льгот и введением особых политических мер.

Более того, государственно-корпоративная преступность часто имеет ещё одно измерение. Так, «преступления глобализации» приобретают любопытный подтекст, когда наднациональные институты, такие как Международный валютный фонд и Всемирный банк, причиняют осязаемый социальный ущерб населению целых стран. Политика, насаждаемая сверху вниз, и экономические программы, отвечающие

ни с социальной сплочённостью, ни с демократией, ни с правами человека. Какие же права человека нарушаются? Давайте рассмотрим несколько примеров.

Право на труд. Реформы рынка труда, навязанные Меморандумами, поставили под угрозу право на труд в Греции и стали причиной тяжёлого институционального упадка. Отмена устоявшихся соглашений о коллективных договорах и арбитражного урегулирования трудовых конфликтов привела к воскрешению индивидуального договора о трудоустройстве как главного документа, определяющего условия труда. Последовавшие за этим снижение зарплат и рост налогов расшатали стандарты трудоустройства, подняли уровень незащищённости в сфере труда, способствовали повсеместному распространению прекарного труда, что подтолкнуло женщин и молодёжь на низкооплачиваемые работы с ненормированным графиком. Минимальная заработная плата в Греции снизилась до уровня, находящегося за чертой бедности.

Право на охрану здоровья и медицинскую помощь. Программа экономической перестройки Греции 2010 года (2010 Economic Adjustment Program) ограничила государственные траты на здравоохранение до 6% ВВП. Программа 2012 г. требовала снижения расходов на операции в больницах на 8%. Больницы и аптеки по всей Греции столкнулись с дефицитом, пытались снизить фармацевтические расходы с €4,37 млрд в 2009 г. до 2 млрд к 2014 г.

Право на образование. Особые меры Меморандумов касаются прекращения найма на работу учительского персонала, принудительного распределения учителей посредством схем трудовой мобильности, урезания учительских зарплат, слияния и закрытия школ, увеличения числа учеников в классе и количества уроков на каждого учителя в неделю. Учительские позиции оставались незаполненными, 1053 школы были закрыты и ещё 1933 претерпели слияние в период с 2008 по 2012 г. Сокращение бюджетного финансирования оставило множество школ без отопления.

Право на социальное обеспечение. Навязанное Меморандумами сокращение бюджетных расходов привело к уменьшению социальных пособий, включая пенсии, пособия по безработице и пособия на детей. С 2010 г. пенсии были в среднем сокращены на 40%, что отбросило 45% пенсионеров за черту бедности.

Право на жилище. В 2012 г. Греция отказалась от социального жилья. Такое политическое решение стало «предварительным действием» перед выдачей арендных субсидий 120 тысячам домохозяйств и предоставлением жилищных льгот для граждан старшего возраста. Новые законы и инструкции теперь предусматривают ускоренную процедуру выселения без рассмотрения в суде. В 2014 г. в Греции было более 500 тысяч бездомных и людей, живущих в аварийных домах или непригодных для жилья условиях.

Право на самоопределение. Массовая приватизация государственной собственности, особенно при помощи «сокращенных» процедур, нарушает конституционные права и положения, гарантирующие народовластие, народную собственность и защиту окружающей среды.

Право на справедливый суд. Навязанные кредиторами меры требуют от Греции реформ судебной системы, включающих значительное повышение пошлин. Обращение в суд стало финансово затруднительным для граждан, особенно после резких сокращений зарплат и пенсий.

Право на самовыражение. С 2010 г. законодательные и административные меры ограничивают право на самовыражение и собрания: имеют место регулярные посягательства на свободу самовыражения и нарушения свободы собраний. Власти препятствуют законному протесту против политики Меморандумов, запрещают митинги, разгоняют мирные демонстрации, проводят избирательные аресты и подвергают пыткам участвующих в протестах антифашистов (часто совместно с добровольцами из протофашистской партии «Золотая заря»).

Сегодня 23,1% греков живут за чертой бедности; в период с 2009 по 2012 г. относительный уровень бедности вырос почти вдвое, примерно две трети были доведены до нищеты политикой жёсткой экономии. Серьёзные материальные лишения в 2014 г. терпят 21,5% греков (по сравнению с 11% в 2009 г.); в 2013 г. более 34% детей находились под угрозой нищеты или социального исключения. Чрезвычайные политические меры драматически усугубляют неравенство, в частности, тревогу вызывает тот факт, что беднейшие 10% населения потеряли 56,5% от прежнего дохода.

В то время как в Греции происходит нарушение прав человека, а греческому обществу наносится огромный социальный урон, законодательные органы внедряют «политику привилегий», открывая все больше возможностей для коррупции. Данная законодательная инициатива имеет множество проявлений и способствует установлению режима иммунитета от уголовной ответственности для определенных категорий граждан и групп. Этот режим может принимать форму превентивного освобождения от уголовной ответственности тех субъектов права, в отношении которых существуют контракты или государственные концессии, например, компании Siemens, программ вооружения или приватизации, либо же обернуться репрессивными законодательными мерами в отношении уже рассматриваемых судебных дел, включая ограничение, приостановку или прекращение судебного преследования. Ирония заключается в том, что кредиторы, требуя от Греции решительной борьбы с уклонением от налогов, добиваются отмены 26-процентного налога на совершение трансграничных транзакций.

Государственно-корпоративная преступность заходит дальше, чем индивидуальная уголовная преступность или правонарушения, так как они оказываются не исключением, но создают само правило. Это главный признак эпохи, где господствует аномия – то есть, где ослаблены существующие коллективные представления и коллективное сознание. Согласованные действия между государствами и корпорациями воплощают «дух времени» нашей современной эпохи.

Перед нами стоит чрезвычайно важная задача. Что можно сделать для борьбы с вышедшей из-под контроля государственно-корпоративной преступностью, когда формальный социальный контроль, современные институты и научный дискурс деформируются посредством господствующих структур управления, производства и гражданского общества, как это было в эпоху фашизма в XX веке?

Важно, чтобы мы продолжали верить в возможность построения лучшего мира. Кроме того, хотя симбиоз государства и бизнеса существует уже продолжительное время, он никогда не получал общественного одобрения. Это динамический процесс, и как учёные и граждане, мы должны продолжать разоблачать его и ставить под сомнение. ■

Корреспонденцию направляйте Стратосу Георгуласу на адрес s.georgoulas@soc.aegean.gr

> Аргентинское движение в защиту права на аборт в эпоху мизопростола

Джулия МакРейнолдз-Перес, Университет Висконсин-Лакросс, США

Движение «Женщины на волнах» вывесило плакат «Твоё решение – безопасный аборт!» с телефоном горячей линии на статуе Девы Марии.

В странах Латинской Америки идут бурные дебаты по поводу абортов, и в самом эпицентре этих обсуждений – маленькая белая таблетка. Доступность мизопростола в регионе радикально поменяла практику подпольных абортов. Новые активистские стратегии само- и взаимопомощи, в которых зачастую одновременно задействованы феминистки и медики, изменили природу политических дебатов вокруг абортов. В условиях устойчивого противодействия легализации абортов активисты стремятся к тому, чтобы обеспечить легальный доступ к операции медицинского прерывания беременности и обнародовать массовые замалчиваемые практики совершения абортов.

Аборты издавна нелегальны по всей Латинской Америке, самом католическом регионе мира. Однако запрет не помешал широкому распространению практики. В разных странах региона обеспеченные женщины тайно делают безопасные дорогостоящие подпольные аборты в частных кабинетах квалифицированных врачей, а бедные женщины подвергают свою жизнь риску из-за опасных для здоровья процедур.

Благодаря существованию такой двойственной системы нелегальных абортов, сама процедура и политические дебаты о ее криминализации могли долго оставаться за пределами внимания общественности. Однако ситуация вокруг абортов значительно изменилась с начала 1990х. Мизопростол, синтетический простагландин, одобренный Администрацией США по пищевым продуктам и лекарственным веществам для лечения язв, теперь широко доступен в аптеках Латинской Америки. В список побочных эффектов данного лекарства входят маточные сокращения, что превращает его в отличное средство подпольного аборта. В странах, где аборт легален, мизопростол обычно назначается в сочетании с другим лекарством, мифепристоном, для проведения медикаментозных абортов в первом триместре беременности. Важно отметить, что даже если мизопростол принимается без мифепристона и в отсутствие медицинского консультирования, этот метод проведения подпольного аборта значительно безопаснее тех форм, при которых используются такие опасные предметы как металлические вешалки или вязальные спицы.

В период с 2012 по 2015 года я проводила этнографическое исследование в Аргентине, пытаясь понять, ка-

>>

Мизопропростол – широко распространённый препарат, вызывающий аборт.

ким образом новая фармацевтическая технология способствовала изменению политики и практики абортов. В Аргентине – как, впрочем, и во всей Латинской Америке – относительная доступность мизопростола создала множество возможностей для инновационных стратегий активистов. Многие местные активистские группы следуют примеру международных феминистских кампаний. В 2001 году Ребекка Гомпертс запустила проект «Женщины на волнах», в рамках которого корабль с медицинским оборудованием останавливался в нейтральных водах неподалеку от побережья стран, в которых запрещены аборты. На его борт приглашались женщины, нуждающиеся в безопасной процедуре. После этой кампании она создала действующий и по сей день проект «Женщины в сети», позволяющий людям со всего света заказать полный курс медикаментов, необходимых для проведения аборта. Организация высылает посылки напрямую женщинам, живущим в странах, где аборт нелегален. Она также поддерживает работу горячих линий по всему миру, чтобы женщины могли по телефону получить детальные инструкции об использовании мизопростола.

Транснациональная инициатива доктора Гомпертс привлекла внимание международных СМИ, однако, массовые локальные активистские стратегии, возникающие на фоне новых фармакологических возможностей, гораздо менее известны. По всей Латинской Америке молодые активистки-феминистки стараются добиться повышения доступности абортов среди бедных женщин, и это становится возможным благодаря мизопростола. Одни группы предоставляют информацию, другие – фармацевтические услуги; некоторые врачи стали активно бороться за репродуктивные права женщин в рамках системы здравоохранения.

Организация «Лесбиянки и феминистки за декриминализацию аборта» (ЛФДА) стала одной из важнейших групп движения. Ее деятельность началась с запуска горячей линии «Безопасный аборт» при содействии проекта «Женщины в сети», предоставляющей полную информацию о проведении безопасной процедуры прерывания бере-

менности женщинам в Аргентине. Более того, начиная с 2013 года, организация открыла несколько клиник консультирования по вопросам прерывания беременности в Буэнос-Айресе, где активисты предоставляют полную информацию о безопасном проведении аборта в доходчивой манере. От клиентов ожидается самостоятельное приобретение лекарства в аптечных сетях или на черном рынке.

ЛФДА, как и другие активистские группы, предоставляющие подобные услуги, говорят, что их работа защищена правовыми принципами «свободы информации» и «снижения вреда». Во-первых, информация, предоставляемая группой, может быть с легкостью получена иными способами. Так как они не предоставляют таблетки, а лишь информацию, нельзя сказать, что они занимаются предоставлением медицинских услуг. Аргумент о «снижении вреда» использует терминологию и логику таких программ, как обмен шприцев для потребителей инъекционных наркотиков. В основе этого аргумента – требования защиты общественного здоровья даже для тех граждан, которые оказываются в ситуации рисков, в том числе связанных с незаконной деятельностью.

Другие активисты пошли еще дальше. Начиная примерно с 2014 года, локальные группы объединились в национальное движение под названием «Первая помощь онлайн». Эта онлайн-сеть предоставляет не только информацию, но и то, что они называют *acompañamiento* (сопровождением), которое включает полный курс мизопростола и других лекарств, вызывающих медикаментозный аборт (и приобретенных благодаря интернациональным активистским контактам). Женщины также могут получить телефонную консультацию на любой стадии медикаментозного аборта. Так как эти группы обеспечивают женщин не только информацией, но и лекарствами, им приходится работать подпольно. В относительно либеральной столице группы действуют более или менее открыто, однако в более консервативной провинции они вынуждены полагаться на осмотрительность своих клиентов, чтобы избежать преследований.

Наконец, некоторые медики начинают менять систему здравоохранения Аргентины изнутри, часто предлагая медицинские услуги по пред- и пост-абортному консультированию. Как и в случае активистов ЛДФА, они выдают четкие инструкции по проведению аборта с использованием мизопростала, стараясь оставаться в рамках закона, предоставляя женщинам возможность самостоятельно приобретать препараты и проводить процедуру у себя дома. В нескольких клиниках активистам удается заручиться поддержкой муниципальных департаментов здравоохранения или воспользоваться отсутствием активного интереса к вопросу со стороны непосредственных начальников.

Ряд клиник оформляют любые абORTы как «легальное прерывание беременности на основании юридических показаний», утверждая, что вынашивание нежелательной беременности в любом случае является неоспоримым риском для здоровья - так что все абORTы должны считаться законными на основе положения Уголовного кодекса, разрешающего аборт, когда беременность представляет опасность женскому здоровью. Они также предоставляют своим клиентам услуги по прерыванию беременности. Но даже за пределами таких эксплицитных случаев многие медики признавались в интервью, что за закрытыми дверями они консультируют пациенток по поводу применения мизопростала, взяв с них обещание о неразглашении этого факта.

Невозможно сколь бы то ни было реалистично определить число врачей, вовлеченных в общественное движение такого рода. Они, несомненно, представляют собой меньшинство в иерархической профессии, по сей день жестко контролируемой социально-консервативной сетью католиков. Но широкие последствия таких просветительских практик, несомненно, очевидны - особенно потому, что группы активистов-врачей собирают демографические данные и информацию о здоровье своих клиентов, которые затем публикуются, дабы повысить осведомленность общества о последствиях проведения абORTов для общественного здоровья. Отчеты, публикуемые онлайн, статьи, представляемые на общенациональных конференциях медиков, а также теневые отчеты, публикуемые в соответствии с Конвенцией о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, значительно повышают осведомленность о данной процедуре посредством того, что я называю «феминистской эпидемиологией».

Важно отметить, что аргентинское движение, требующее доступа к медикаментозному абORTу, отражает неспособность государства заниматься агрессивным правоприменением репрессивного законодательства. Действительно, власти не демонстрировали особой политической воли по искоренению широко распространенной нелегальной практики, особенно потому, что право-

применение в этой области может вызвать сочувствием к незащищенным молодым женщинам, которых, скорее всего, будут восприниматься как жертвы неоправданного полицейского преследования. По данным активистов, они помогли десяткам тысяч женщин прервать беременность без риска для жизни. Тем временем более широкое феминистское движение Аргентины продолжает требовать легализации аборта по требованию.

Недавние политические изменения в Аргентине могут создать новые трудности для pro-choice активисток. В конце 2015 года к власти пришла правая политическая партия, сменившая левоцентристское правительство президента Кристины Фернандес де Кирхнер, которое, как представляется, смотрело сквозь пальцы на расширение практики предоставления доступа к безопасным процедурам аборта.

Недавно международные правозащитные организации осудили решение Аргентины привлечь по уголовной статье за убийство молодую женщину из консервативной северной провинции Тукуман после того как она обратилась в больницу за помощью после выкидыша. Поскольку мизопростол имеет широкое применение, а его использование не может быть доказано, консервативные врачи исходят из предположения, что любая пациентка, у которой случается выкидыш, пользовалась этим средством. В данном случае Белен (псевдоним, используемый в СМИ) была приговорена к восьми годам заключения - жестокий приговор, особенно учитывая, что невозможно достоверно доказать, совершала она медикаментозный аборт или нет. К началу 2016 года осужденная уже провела два года в предварительном заключении в ожидании суда. Когда приговор был вынесен, женские организации и группы, борющиеся за репродуктивные права, провели общенациональный марш, призывая к освобождению Белен. Под давлением общественности в августе 2016 года Верховный суд провинции приказал отпустить Белен по результатам обжалования приговора.

Приведут ли общеполитические изменения в Аргентине к консервативному наступлению на движение в защиту права на аборт? Стоит ли ожидать преследования активистов? Увидим ли мы больше случаев, подобных тому, что произошел с Белен? Хотя этот правый поворот, несомненно, вызывает вопросы и тревогу, очевидно, что активисты не планируют отступать или позволить запугать себя. За последние двадцать лет их усилия привели к необратимым изменениям в политической динамике, окружающей проблематику абORTов. Активисты надеются, что консерваторам не удастся загнать джинна обратно в бутылку. ■

Корреспонденцию направляйте Джулии МакРейнолдз-Перес на адрес julia.mcreynolds@gmail.com

> Консервативный откат и право на аборт в Мексике

Сусана Лернер, Колегио де Мехико, Мексика, Лусия Мельгар, Автономный технологический институт Мехико, Мексика, Агнес Гийом, Институт исследований развития, Франция

Мексиканское движение за легализацию абортов.

В 2007 г. Федеральный округ Мехико (недавнее новое административное обозначение города Мехико) легализовал проведение операции медицинского аборта в течение первых двенадцати недель беременности. Это стало внушительной победой гражданского общества, которое с начала 1990-х боролось за то, чтобы дать женщинам право репродуктивного выбора. Однако на остальной территории Мексики правила доступа к абортam ужесточились.

С 2008 г. в 18 штатах Мексики последовательно принимаются новые юридические и конституционные реформы, ставящие перед собой цель «защиты жизни с момента зачатия». Последним, в июле 2016 г., такой закон принял штат Веракруз. Что движет подобными реформами, и каковы их последствия?

Дебаты и основные акторы, вовлеченные в обсуждение проблемы абортов в Мексике, должны рассматриваться в рамках более широкого контекста демографической политики. С 1970-х гг. мексиканское правительство продвигает программы планирования семьи и другие инициативы,

способствующие снижению уровня рождаемости, предлагая женщинам разнообразные опции по контролю размера семьи, а также по улучшению семейного здоровья, качества жизни и благополучия. Несмотря на успех в снижении уровня прироста населения, из-за отсутствия более широких социальных и экономических мер по поддержке подобных устремлений материальные условия в обществе не улучшились.

В девяностые годы национальная политика сместилась в сторону «фокуса на репродуктивном здоровье», после того как мексиканское правительство подписало Программу действий, принятую на Международной конференции по народонаселению и развитию в 1994 г. Это соглашение, подписанное в Каире, делает приоритетом соблюдение сексуальных и репродуктивных прав. Утверждается, что аборты, проводимые в неадекватных условиях, представляют собой существенную угрозу общественному здоровью. Подписавшие страны призывают к тому, чтобы обеспечить женщинам доступ к безопасным абортam, в том числе через снятие юридических препятствий и ослабление антиабортного законодательства.

В течение последних двадцати лет феминистки и представители академии работали над тем, чтобы Федеральный округ Мехико легализовал аборты. Кульминацией этой работы стала мягкая, постепенная реформа, проведенная в столице страны. В 2007 г. местные власти города Мехико проголосовали за легализацию аборта до двенадцатой недели беременности (за исключением особых случаев, аборт остается нелегальным в более поздних триместрах.) Важно, что определение беременности как «части процесса человеческой репродукции, начинающегося с имплантации эмбриона в эндометрий» позволяет избежать обсуждения вопроса о том, когда начинается человеческая жизнь. По закону 2007 г. врач имеет право отказаться от проведения аборта по личным убеждениям, однако по закону в каждом учреждении здравоохранения должно работать несколько докторов, не являющихся противниками абортов. За этот закон проголосовали либеральные, в том числе правящая, партии, а правые консервативные партии проголосовали против него.

Обязывая учреждение здравоохранения, подчиняющемуся муниципалитету, предоставлять услуги по бес-

>>

платному и безопасному аборту, закон гарантирует всем женщинам доступ к легальному прерыванию беременности. Важно то, что закон предоставляет беременным женщинам свободу принятия решений по поводу ряда потенциальных действий: женщины могут выносить беременность, отдать ребёнка в семью, прервать беременность, как только получено информированное согласие. Помимо этого, им гарантируется предоставление контрацептивных методов по предотвращению последующих незапланированных беременностей (и, как следствие, последующих аборт).

Таким образом, реформа в городе Мехико обсуждает подпольные аборты как вопрос общественного здоровья, социальной справедливости и дискриминации. Важно то, что она защищает права человека, признает право женщины принимать собственное решение о своем теле, обеспечивая ей сексуальную и репродуктивную автономию. За последние девять лет эта реформа подарила доступ к безопасным абортам более чем 160 000 женщинам, в том числе женщинам из других мексиканских штатов, приехавшим в столицу, чтобы решить репродуктивную проблему.

Консервативные силы, возглавляемые католической иерархией и поддерживаемые евангелистскими и другими христианскими конфессиями, реагировали достаточно быстро. Как и во всем мире, консерваторы утверждают, что «защита жизни» требует подчинения свободы и жизни женщин предполагаемым правам эмбриона, которого они считают «человеком», отказываясь признавать реальность небезопасных подпольных аборт или же последствий этих аборт для жизни здоровья женщин и их семейной жизни. С другой стороны, феминистские группы защищают женские права и универсальные права на здоровье, утверждая, что материнство - вопрос свободного выбора. Они настаивают на том, что принцип разделения церкви и государства должен оставаться центральным принципом мексиканской демократии.

Как только город Мехико начал предоставлять более широкий доступ к аборту в первом триместре, такие организации как Provida («пролайф») и Profamilia («за семью»), а также Католическая юридическая ассоциация Мексики, стали настаивать на том, что «жизнь начинается в момент зачатия, и с этого самого момента начинается

жизнь человека, обладающего человеческими правами». Активисты, выступающие против аборт, используют множество стратегий, в том числе постоянные уличные протесты, призывы к действиям священников в разных городах, прямое действие по физической блокировке женщин, стремящихся к получению аборт, лоббирование, юридические действия. Аналогично они противились однополым бракам, которые уже были легализованы, и старались бороться против программ планирования семьи и полового образования в школах. Однако, на уровне более тонкого регулирования, им удалось успешно удалить термин «сексуальные и репродуктивные права», а также ссылки на гендерные перспективы из многих документов государственного и международного уровня.

В 2008 г. консервативные группы предстали перед Верховным судом для того, чтобы бросить вызов реформам. Хотя Суд нашел легализацию аборт соответствующей Конституции страны, его вердикт был основан на трёх дополнительных утверждениях. Во-первых, Суд подтвердил права женщины на свое тело, предполагающее, что государство должно охранять право женщин самостоятельно принимать решение по поводу своего физического и психического здоровья, а также по поводу своей жизни в целом. Однако, во-вторых, Суд постановил, что право на жизнь не является абсолютным, а также не является так называемым «суперправом», возвышающимся над иными правами, защищаемыми Конституцией и Международным правом. Таким образом, когда права вступают в конфликт друг с другом, законодатель обязан взвешивать альтернативы. Наконец, на основании второго решения, суд наделил локальных законодателей правом вносить изменения в локальный уголовный кодекс.

После решения Верховного суда консервативные группы обратились в государственные законодательные органы в попытках внести изменения в Конституции штатов или их уголовные кодексы, утверждая, что они руководствуются стремлением «защитить жизнь с момента зачатия» или «оплодотворения» и ввести наказание для женщин, идущих на аборт.

К середине 2016 г. при поддержке католической церкви и представителей всех политических (в том числе ряда левых) партий антиабортным силам удалось добиться своей цели в восемнадцати мексиканских штатах.

Из-за этих новых законов множество женщин в Мексике на данный момент отбывают тюремное наказание. Зачастую они осуждены за «убийство при отягчающих обстоятельствах (родство)», то есть за инфантицид. Иногда их приговаривают к 20-30 годам заключения. Других направляют на принудительное психиатрическое лечение (как будто действия, направленные на поддержку собственной автономии, являются следствием психических заболеваний). Введение новых форм наказания в мексиканских штатах сопровождается перманентными нарушениями Федеральных законов, разрешающих проведение безопасных легальных аборт в ряде ситуаций (как, например, в случае беременности, ставшей результатом изнасилования, единственного показания к прерыванию беременности, легального на всей территории страны, в случаях аномального развития плода, а также при наличии угрозы жизни и здоровью женщины).

Сейчас, в середине 2016 года, дебат разворачивается между сторонниками двух радикально несовместимых позиций. Консервативные группы стоят на позициях «защиты жизни», придавая жизни и свободе женщины второстепенную роль по сравнению с жизнью и предполагаемыми правами эмбриона, считающегося дееспособным лицом. Эти группы предпочитают не принимать во внимание последствия нелегальных аборт, таких как материнская смертность, болезни или последствия для семьи. Либеральные группы, напротив, выступают за примат женских прав, свободного материнства, всеобщего права на здоровья. Помимо этого, они требуют уважать принцип светского государства, ключевую концепцию, прописанную в конституции Мексики.

Борьба за женские права в Мексике продолжается. Слишком часто феминистские организации и женские НКО защищаются от нападок консервативных анти-абортных сил, вместо того, чтобы идти в наступление первыми. Эта динамика должна измениться. С нашей точки зрения, гражданское общество должно настойчиво заявлять о себе и требовать либерализации и легализации аборт на национальном уровне. ■

Корреспонденцию направляйте:
Сусане Лернер на адрес slerner@colmex.mx
Лусии Мельгар на адрес lucia.melgar@gmail.com
Агнес Гийом на адрес Agnes.Guillaume@ird.fr

> Аборт как насилие: перуанская борьба

Эрика Буссе, Тихоокеанский университет, Перу, член ИК МСА «Миграция» (ИК 31), «Женщины и общество» (ИК 32), «Общественные движения, коллективное действие и социальные изменения» (ИК 48) и «Исследования семьи» (ИК06)

«Большой марш за жизнь» – демонстрация против абортов в Лиме, Перу, прошедшая 23 марта 2013 г.

Фото: Паоло Агилар/EPA.

В середине августа 2016 г. тысячи перуанок вышли на улицы Лимы, объединившись под слоганом «Ni Una Menos» (Больше ни одной!). Среди протестующих были недавно избранный президент страны, женщины, пережившие физическое и сексуальное насилие, члены женских, феминистских организаций и различных политических партий, министры и представители Конгресса. Марш резко осудил насилие против женщин и впоследствии

описывался как одна из важнейших массовых мобилизаций в регионе за последние 40 лет: бок о бок по улицам города шли женщины и мужчины, девочки и мальчики, родители и дети, бабушки, дедушки и их внуки.

Катализатором демонстрации стало видео, демонстрирующее, как мужчина в холле отеля таскает за волосы свою бывшую подругу. Однако дело против него было закрыто: судья пришел к выводу, что травмы, получен-

>>

ные женщиной, не свидетельствовали о намерении молодого человека убить или изнасиловать ее.

Под лозунгом «Когда избивают одну, избивают всех нас», группа «Ni Una Menos» призвала перуанцев к протесту против гендерного насилия и дискриминации женщин. Даже организаторов удивила массовость отклика, когда массовые акции прокатились по многим городам Латинской Америки, призывая положить конец безнаказанному насилию против женщин и не функционирующей системе правосудия. Для многих латиноамериканцев эти демонстрации являются выражением надежды на изменения, на то, что проблемы женщин, в особенности насилие в отношении женщин, выходят на передний план общественных дебатов.

В настоящее время латиноамериканские феминистки, выступая с требованиями репродуктивных прав женщин, также фокусируют внимание на проблеме насилия в отношении женщин и безнаказанности агрессора. Формулируя дебат об абортах в терминах «сексуального насилия против женщин (и детей)» и «принудительного материнства» или «принудительных подпольных аборт», феминистки смогли переформулировать дебаты таким образом, чтобы поставить акцент на насилии со стороны государства вдобавок к сексуальному насилию как таковому. Это контрастирует с предыдущими фреймами, которые в первую очередь обращали внимание на репродуктивные права как вопрос личного выбора.

Фрейм насилия против женщин борется с идеей о том, что аборт является результатом женского «эгоистичного» желания и промискуитета, вместо этого делая акцент на насилии в отношении женщин как моральной проблеме. Несогласие с требованиями предоставления женщинам репродуктивных прав в таком случае можно интерпретировать как непризнание самого факта насилия против женщин или отрицания значимости этой проблемы для латиноамериканского общества. Слабой стороной этого потенциально сильного фрейминга является то, что женщины изображаются в определенном отношении как жертвы, что потенциально воспроизводит укорененные гендерные стереотипы и иерархии. Тем не менее, представляется, что смена правового

фрейма доступа к аборту к фокусу на связи доступа к абортам и искоренению сексуального насилия смогло расширить поддержку движения, например, в продвижении требований декриминализации аборта в случае изнасилования.

Требую декриминализации аборт, активисты обращаются не только к государству, но и к гражданскому обществу, членам экспертного сообщества, профессиональному сообществу (врачам), членам религиозных общин, пытаясь оказать влияние на представления перуанцев о правах женщин и насилии против женщин. Этот масштабный переход от формулировок, фокусирующихся на репродуктивных правах, к формулировкам с фокусом на сексуальном насилии, послужил базой более массового движения и позволил привлечь в число его сторонников ЛГБТ-активистов, католические группы, молодёжь, представителей массовой культуры, а также женские низовые организации. Требования декриминализации аборт в случае беременности, наступившей в результате изнасилования, получили поддержку в широких слоях населения, а не просто среди «некоторых феминисток».

Кампания старается задействовать разные механизмы мобилизации. С одной стороны, активисты используют технологию низовой поддержки - особенно распространена тактика сбора подписей простых перуанцев. С другой стороны, они действуют сверху вниз, организовывая рекламные кампании с участием знаменитостей, художников, политиков и обычных граждан. Вместе с такими коллективами как *Alfombra Roja* («Красный ковёр»), кампания смогла рекрутировать множество сторонников на уличных демонстрациях и ярмарках. В контексте низкого доверия государственным институтам стремление опираться на гражданское участие простых граждан подчёркивает приверженность активистов демократическим принципам.

К настоящему времени изменение фрейминга не вызвало внятного ответа со стороны законодателей. Попытки изменить перуанскую Конституцию и разрешить аборт в случае изнасилования не увенчались успехом. Аналогично, законопроект «О декриминализации аборт в случае изнасилования» лег под сукно.

Очевидно, большая часть законодателей сочувствует жертвам физического насилия, свидетельством которого являются следы побоев и ломаные кости. Однако когда физическое насилие (изнасилование) оставляет за собой не менее ясное свидетельство в виде беременности, вопрос о том, чьи права являются приоритетными, превращается в моральную дилемму. Несмотря на это, в последнее время очевидны некоторые изменения в публичных дискуссиях и политике. В 1924м году уголовный кодекс Перу легализовал терапевтический аборт в случае, когда жизнь беременной женщины находится в опасности, но не разработал подзаконный акт и инструкции, позволяющие медицинскому персоналу совершать операцию аборта в этих случаях. Таким образом, любой доктор, принимавший решение о прерывании рискованной беременности, мог очутиться за решеткой. В течение последующих 90 лет большинство врачей, что предсказуемо, без особого энтузиазма выполняли операцию медицинского прерывания беременности в различных обстоятельствах.

Однако в 2014 г., несмотря на широкую критику, особенно со стороны католиков и евангелистов, в Перу наконец, утвердили Инструкцию, в соответствии с которой врачи могут получить санкцию на прерывание рискованной беременности. Барьеры для полной имплементации остаются: некоторые врачи попросту не знают, как проводить процедуру прерывания беременности, женщинам не хватает информации, а страх и стыд не позволяют прибегать к существующей Инструкции, даже когда жизнь беременной женщины находится в опасности.

Принятие этой Инструкции показывает, что фрейминг права на аборт как проблемы женского здоровья может быть более политически успешным, чем представление аборта в контексте репродуктивных прав женщин. Как показал массовый марш *Ni Una Menos*, проблемы положения женщин в обществе вышли на передний план политических дебатов в Перу. Но приведет ли это к значимым изменениям, особенно в отношении феминизма, остается открытым вопросом. ■

Корреспонденцию направляйте Эрике Буссе на адрес e.busse@up.edu.pe

> Социальные науки в арабском мире

Мохаммед Бамъех, Питтсбургский университет, США, редактор International Sociology Reviews, член исследовательских комитетов МСА "Исследование теории отчуждения" (ИК36) и "Биография и общество" (ИК 38)

«**Н**овое знание для новых времен" - к этому тезису в общих чертах сводится недавно опубликованный Доклад «Социальные науки в арабском мире: формы присутствия» (<http://www.theacss.org/uploads/English-ASSR-2016.pdf>)¹. Доклад написан на основе исследования, проведенного в течение двух последних лет двумя социологами. Проект поддержан Арабским советом социальных наук. Практически все данные, приведенные в Докладе, собраны в ходе проекта.

В основе Доклада лежат количественные и качественные данные о масштабе и характеристиках состояния социальных наук в арабских университетах, исследовательских центрах, профессиональных ассоциациях, а также научных журналах. При этом в нем освещается также состояние публичной социальной науки в регионе. В нем показано, каким образом организации гражданского общества применяют социальные науки в своей работе, а также приводятся данные о присутствии социальных наук в публичной сфере - арабских газетах, телевизионных программах, литературно-художественных изданиях и популярных журналах.

Мы документально подтвердили колоссальный прирост институций, занимающихся социальными науками в 22 странах арабского региона, особенно в течение последних двух-трех десятилетий. Семьдесят процентов ныне существующих университетов в арабском регионе появились не ранее 1990 г. Число арабских научных журналов возросло в четыре раза с начала 1980-х, за этот же период число исследовательских центров увеличилось как минимум в шесть раз. Тихая революция знания происходила в арабском мире в течение последних двух-трех десятилетий, хотя нам до сих пор известно о ней слишком мало.

Удивительным образом, такой институциональный рост в сфере производства знания, как представляется, не зависит от состояния национальной экономики: мы видим его как в бедных, так и в богатых странах. Судя по всему, более важными факторами, чем экономическое благополучие, являются такие показатели, как академическая свобода, относительно свободное

гражданское общество, способствующее социальным исследованиям или активно использующее их в своей деятельности, относительно большой образованный класс в стране, и, соответственно, сила связей локального сообщества производства знания с глобальными социальными науками. Рост гражданского общества в тот же период связан с ростом социальных наук. Возможно, что оба процесса вызваны событиями Арабской весны, начавшимися в конце 2010 г., и продолжающимися развиваться и по сей день.

В Докладе представлено множество дисбалансов, характеризующих работу арабских университетов. На передовых позициях в арабских университетах среди социальных наук находится экономика (более четверти всех факультетов по социальным наукам - это факультеты экономические). Антропология, представленная лишь двумя процентами факультетов, едва заметна, в то время как остальные социальные науки попадают в промежуток между вышеупомянутыми полюсами.

Большинство арабских университетов уделяют особое внимание качеству образовательного процесса и преподаванию, отчего социальным ученым не хватает времени и стимулов для занятий исследованиями или гражданской деятельностью. Две последние роли выполняются в основном арабскими исследовательскими центрами, которые, будучи организованными по темам, а не по дисциплинам, склонны продвигать междисциплинарные исследования, а также гражданскую вовлеченность. Исследовательские центры, большинство которых очень молоды, также демонстрируют немалую научную продуктивность. Именно они занимаются изданием большинства арабских научных журналов. На Ливан, Палестину и Иорданию приходится наибольшее число исследовательских центров на душу населения. Даже Джибути опережает такие богатые страны, как Катар и Бахрейн.

Интересно, что богатые страны (Кувейт и Саудовская Аравия) демонстрируют лишь средние показатели производительности научного труда. Эта информация напрямую противоречит недавним международным

“Всесторонняя социальная трансформация является основным вопросом, волнующим арабских социальных учёных”

образовательным индексам, которые, с нашей точки зрения, не могут четко описать ситуацию, в которой находятся социальные науки в арабском мире (в том числе потому, что они ставят в привилегированное положение тех, кто публикуется на европейских языках и в определенных изданиях). Практики составления рейтингов движимы фетишизацией иерархии, а не интересами содержательной оценки знания, его релевантности или применению в обществе, где оно произведено.

Почти половина Доклада посвящена общественной роли социальных наук. Анализ организаций гражданского общества, газет, популярных журналов, телевизионных программ, культурологических журналов демонстрирует, что социальное знание часто передается в урезанной форме, в разнообразных и неоднородных форматах. Авторы отчета приходят к выводу, что все организации гражданского общества применяют и даже производят социальное знание (таким образом, который является наиболее подходящим для их организационных целей). Это заключение наталкивает на мысль, что недавний рост социальных наук в арабском регионе каким-то образом связан с возросшей активностью гражданского общества. Среди изданий особенно открытых в отношении социальных наук, выделяются журналы, посвященные вопросам культуры. Около 20% их содержания составляют статьи по социальным наукам, хотя они отвечают в основном на запросы культурных сообществ, а не академических социальных наук. Газеты, популярные журналы, телевизионные программы уделяют меньше пространства и времени социальным наукам. Но количество не так важно, как качество, что отлично демонстрируют такие образцовые издания как палестинская газета Al Quds или кувейтский популярный журнал Al-Arabi.

Всесторонняя социальная трансформация, будь она по своей сути реформистской или революционной, является основным вопросом, волнующим арабских

социальных ученых, особенно в последние пять лет (январь 2010 – декабрь 2014). Проведенный нами контент-анализ публикаций этого периода показал, что тематика Арабской весны находилась в авангарде интересов арабских социальных ученых, вместе с релевантными ей понятиями «демократия», «права», «деспотизм», «вовлеченность», «гражданское общество» и так далее. В Докладе отмечается, что положение женщин стало явной темой в ряде журналов, и часто ее обсуждение было связано с проблематикой прав человека, гражданства, политической активности, а не «традиционными» женскими темами, такими как семья или дети. Более конкретные темы, касающиеся перспектив развития социальной трансформации, такие как «молодежь», «образование» или даже «развитие» удостоились значительно меньшего внимания со стороны исследователей. Интересно и то, что некоторые ожидавшиеся темы и вовсе отсутствовали; что самое удивительное, отсутствовали упоминания «исламского мира». В то время как на Западе эта категория воспринимается как полезная и несущая смысловую нагрузку, арабские социальные ученые практически полностью игнорируют ее, скорее всего потому, что они не рассматривают так называемый «исламский мир» как осмысленную аналитическую категорию. При этом они, несомненно, анализируют «ислам» и религиозную политику с точки зрения социальных наук.

Доклад завершается утверждением, что арабские социальные науки все более укрепляются в статусе важного актора в области современных арабских наук, несмотря на общее ощущение, что политики игнорируют их исследования. Дальнейшие отчеты, посвященные арабским социальным наукам, теперь планируется выпускать каждые два года с целью проведения мониторинга их вклада в мировые социальные науки, а также в будущее региона. ■

Корреспонденцию направляйте Мохаммеду Бамьеху на адрес mab205@pitt.edu

¹ Прим. ред.: Мохаммед Бамьех – автор упомянутого здесь доклада.

> Новые инфраструктуры СОЦИАЛЬНЫХ наук в арабском регионе

Сетеней Шами, Генеральный директор, Арабский совет социальных наук, Ливан

Вторая конференция Арабского Совета социальных наук в марте 2015 г.

Арабский регион сталкивается с растущими социальными, экономическими, экологическими, политическими трудностями, а также дилеммами безопасности. В то же время в регионе отсутствуют сильные академические исследовательские возможности, которые могли бы пролить свет на эти трудности, проанализировать общественные изменения, помочь публичным де-

батам или повлиять на публичную политику. Как указывают последние Отчеты ООН о человеческом развитии, несомненная потребность арабских государств в знании должна быть удовлетворена всесторонним развитием социальных наук.

Растущее осознание этих проблем привело к тому, что в течение последнего десятилетия было положено начало нескольким инициативам,

>>

нацеленным на решение некоторых из них. Открываются новые образовательные учреждения, исследовательские институты. Это происходит наряду с появлением системы выдачи грантов студентам из региона. Основано несколько премий за академические достижения; наблюдается стабильный прирост числа профессиональных ассоциаций. Однако продвижение и возможности в области социальных наук остаются резко ограниченными. Новые дороги к знанию доступны далеко не всем жителям региона. В данном контексте Арабский Совет социальных наук, в состав которого входят ведущие арабские социальные исследователи, организовал первую встречу своих членов в 2006-м году для обсуждения пути решения проблем, с которыми столкнулись региональные социальные науки и социальные исследования. Когда процесс подготовки этого мероприятия уже подходил к концу, по региону пронеслась волна Арабской весны начала 2010 г. Эти события среди прочего помогли открыть публичное пространство и общественную дискуссию, подарив многим гражданам чувство надежды и новые возможности для изменений. Появились сомнения в устойчивости статуса-кво и уверенность в необходимости развития новых представлений об обществе, а также новых способов репрезентации прошлого, настоящего и будущего. Происходящее на улице указывало на острую необходимость в развитии социальных наук.

Последствия Арабской весны были неутешительными: возвращение авторитаризма, рост неуверенности в завтрашнем дне и насилия, войны в некоторых странах региона. Однако семена дали ростки, хотя этим росткам академической свободы приходится всячески изворачиваться, чтобы избавиться от слежки и репрессий. Институциональный пейзаж расширяется. Появляются новые возможности формирования институциональных партнёрств в сфере исследований и активизма, а также новые образовательные инициативы в социальных науках,

например, онлайн курсы, коллективные образовательные проекты и так далее. Создание и защита новых пространств, которым не чуждо свободное знание и дискуссия, может стать залогом успешного будущего этого региона.

> Арабский Совет социальных наук

Арабский Совет социальных наук – это некоммерческая членская организация со штаб-квартирой в Бейруте. Её цель заключается в распространении социальных наук в широком смысле этого слова в регионе и во всем мире. Сейчас, к четвёртому году существования, в АССС работает семь человек на полную ставку и два человека на частичную. Уже открыт филиал Совета в Палестине, с одним старшим консультантом, а также административным и бухгалтерским персоналом. Второй филиал планируется открыть в Алжире. Совет запустил четыре программы поддержки исследовательских проектов, организовал конференцию, проводимую раз в два года, исследовательский форум грантополучателей, ежегодную серию лекций, а также активные веб-сайт и аккаунты в социальных медиа. Организация поддержала уже более ста тридцати исследователей, в его состав входит более 270 членов, он предоставляет гранты мобильности, а также возможность получения образования и организации нетворкинга для своих членов, получателей грантов, а также социальных учёных в целом.

Несмотря на радикальные изменения, произошедшие в арабском регионе, изначальная миссия Совета, его цели и ценности, сформулированные и принятые на первой конференции в 2008-м году, остаются релевантными и важными и по сей день (см. <http://www.theacss.org/pages/mission>). Задача Совета заключается в том, чтобы развивать качество, инклюзивность, гибкость и независимость социальных наук и социальной мысли в регионе. Итак, целью АССС является оценка потребностей и предоставление возможно-

стей сообществам социальных учёных, с особым фокусом на молодых ученых на стадии получения степени PhD или постдок.

Одним из проектов, благодаря которым АССС получил известность, стал Арабский мониторинг социальных наук – проект, анализирующий состояние социальных наук в регионе. Первый доклад «Социальные науки в арабском регионе: формы присутствия», написанный Мохаммедом Бамьехом, анализирует институциональный и содержательный ландшафт в регионе, (<http://www.theacss.org/uploads/English-ASSR-2016.pdf>), описывая значительный региональный прирост числа факультетов и исследовательских центров по социальным наукам. Однако отчет также отмечает недостаток магистерских и аспирантских программ, журналов, профессиональных ассоциаций и иной инфраструктуры, необходимой для производства активной критической науки. С другой, более положительной, стороны, в докладе указывается на присутствие социальных наук в публичной сфере, в том числе в литературе, газетах, популярных журналах, на телевидении и в других СМИ.

> Арабские социальные науки: маргинальные или эмергентные?

Официальное пренебрежение социальными науками в арабском регионе отражает те представления о развитии и модерности, которые лежали до недавнего времени в основании политики в сфере образования и благотворительности. Ему соответствует также сдвиг от традиционной поддержки естественных наук, медицины и инженерии к фокусу на финансах, менеджменте и диверсификации частного сектора. Состояние и статус социальных наук отражают недостатки образовательных систем в регионе, в особенности подчеркивая проблемы в учреждениях высшего образования, где рост числа студентов негативно сказался на качестве образования. Рост частного высшего образования привёл

>>

к значительным нестыковкам между образовательными учреждениями, а также дальнейшей маргинализации социальных наук. В то же время снизилась представленность представителей академии в политических дебатах. Политики обвиняют социальных учёных в том, что исследовательская тематика имеет в лучшем случае опосредованное отношение к политическим вопросам. Социальные ученые, в свою очередь, недовольны тем, с каким пренебрежением политики относятся к результатам исследований.

Тот факт, что политика в сфере образования, представления о развитии, а также ограничения в публичной сфере практически не становятся объектами критики, свидетельствует о слабости регионального сообщества социальных учёных. Налицо также неспособность академического сообщества в регионе выполнять три функции автономной интеллектуальной сферы: артикулировать обоснованные альтернативы гегемонной идеологии, оказывать влияние на публичные дебаты и процессы принятия политических решений, защищать и продвигать свои профессиональные интересы. Не менее важно то, что из-за институциональной слабости арабские социальные учёные оказываются неспособны

полноценно участвовать в региональных и глобальных сетях знания. Арабское сообщество социальных учёных остаётся исключённым из ключевых международных форумов и исследовательских сетей, и не вносит эффективного вклада в глобальное производство знания.

Это те проблемы, которые стремится решить Арабский Совет социальных наук, несмотря на то, что ему приходится работать совсем в непростых условиях с момента своего основания. Наряду с нарастающими конфликтами в Ираке, Ливии, Сирии и Йемене, исследовательская среда подвергается ещё большим испытаниям в таких местах как Египет, где продолжает усугубляться слежка за учеными и активистами, сопровождающаяся их периодическим запугиванием. Этот климат оказывает влияние на деятельность АССС, ограничивая его способность принимать участие в разнообразных мероприятиях в ряде стран. Кроме того, некоторые грантополучатели вынуждены сокращать масштаб исследований и планируемые объёмы полевой работы. И, наконец, введение новых визовых ограничений на въезд и выезд из стран региона сокращает возможности международной мобильности учёных.

Но несмотря на эти трудности – а возможно, и из-за них – поддержка учёных региона Арабским Советом социальных наук, предоставление им новых возможностей, построение и укрепление сетей – остаются на сегодняшний день важнейшими задачами. Мы с радостью отмечаем выносливость и настойчивость грантополучателей перед лицом новых трудностей, их неугасаемую тягу к знаниям и участию в исследовательских проектах. Число участников различных программ не понизилось, интерес к АССС продолжает расти. Ливан остаётся страной, которая обеспечивает региональную кооперацию и сохраняет академическую свободу. АССС активно борется за адаптацию к меняющейся среде и при этом остаётся на передовых позициях исследовательской деятельности, не изменяя своим изначальным целям и ценностям. Мы с нетерпением ждём расширения регионального и глобального сотрудничества и стараемся стать важным актором в деле продвижения возрождённой арабской социальной науки. ■

Корреспонденцию направляйте Сетеней Шами на адрес shami@theacss.org

> Арабские социальные науки ДО И ПОСЛЕ «ВЕСНЫ»

Идрис Джебари, Американский университет в Бейруте, Ливан

Какую роль сыграла Арабская весна в развитии социальных наук?

В своём первом Докладе о состоянии социальных наук в арабском мире профессор социологии Мохаммед Бамъех берется за разрешение загадки арабских социальных наук: это кажущееся исторически слабым поле производства знаний сосуществует с бурными и сложными социальными реалиями. Пять лет, прошедшие со времени «Арабской весны», задают достаточную критическую дистанцию, чтобы оценить, как эти трансформации отразились в социальной науке. Как описывает автор Доклада вызовы, стоящие перед арабскими социальными науками? Какие выводы о значимости общественного участия в развитии социальных наук могут делать молодые арабские социологи?

> Вызовы, стоящие перед арабскими социальными науками

Неэффективность работы арабской машины производства знаний отмечается многими учеными, студентами и

практиками. В своем докладе Бамъех избегает привычных общих объяснений, таких как отсутствие глобальной интеграции или политическую нестабильность, фокусируясь вместо этого на организационных структурах, формирующих поле научного знания. Не то, чтобы арабские ученые сознательно выбрали изоляцию – скорее, по его мнению, им мешают неумение строить и поддерживать социальные сети (poor network capacity) и распад связей с формативным историческим наследием. При этом утверждение своего места на международной арене – не является первоочередной задачей арабских социальных ученых. Много важнее для них сейчас предложить социологические объяснения реальности и оказывать влияние на политику, поскольку больше всего тревог вызывает отчуждение дисциплины от общества и рынка, что ставит под сомнение её значимость и применимость.

Институциональный анализ показывает, что положение социальных наук в арабском регионе определяется напря-

>>

женным отношением между принципами универсализма и специфичности. Бамьех очевидно является сторонником универсализма, показывая, что арабские социальные науки формировались во взаимодействии с западными и следуют определенной традиции, сформулированной в основополагающих текстах и актуальных направлениях последних десятилетий. Автор Доклада обходит вопрос о «специфичности» арабских социальных наук и её влиянии на исследовательские методологии, в частности потому, что по поводу методов в арабской научной среде продолжают теоретические споры (например, постоянное напряжение между сторонниками Геллнера и его концепцией «племен» и теми, кто предпочитает основанную на понятии «класса» социологию Бурдьё). Тем не менее, эти теоретические предпочтения продолжают формировать социальные исследования в регионе: арабские социологи становятся заметными благодаря публикациям за рубежом, что, в свою очередь, формирует их тематическую и методологическую исследовательскую ориентацию.

Бамьех в своем Докладе ставит методологическую проблему о «единице анализа», задавая вопрос о том, имеет ли смысл изучать состояние социальных наук абстрактно на уровне арабского региона в целом, а затем сопоставлять полученные данные с национальным и локальным контекстами для производства целостных генерализированных выводов. Так, например, он обращает внимание на эффект «исламизации» социальных наук во всем регионе в 1980-х гг., затем переходит к подробному обсуждению Саудовской Аравии, где это явление было особенно заметно, и далее обсуждает преимущественное развитие исследований семьи и преступности и нехватку внимания к проблематике социальных конфликтов и трудовой миграции (несмотря на значимость этих проблем для общества).

Обращаясь к кросс-национальному исследованию арабских культурологических и социально-политических журналов, проведенному Мохтаром Эль-Гарраха, автор доклада отмечает, что 68% публикаций этих периодических изданий составляют теоретические статьи. Он обращает также внимание на то, что журналы в значительно большей степени освещают проблематику конкретных регионов, не рассматривая широкую арабскую перспективу, а также не предлагают убедительных объяснений различных последствий воздействия одних и тех же факторов в различных локальностях арабского региона. В качестве критериев степени развития социальных наук в странах Арабского мира используется показатель «исследовательской плотности», измеряемой отношением числа исследовательских центров к численности населения страны. Различия в степени развития интереса к социальным наукам в разных контекстах объясняются таким фактором как «общая атмосфера, способствующая развитию центров». Автор отмечает, что картина академического поля в целом формируется под воздействием механизмов, стимулов и давлений, но не приводит при этом более детального анализа этих контекстов.

По признанию самого автора, «исследование» текущей ситуации, представленное в Докладе, является лишь прелюдией к последующим публикациям, которые раскроют различные аспекты производства социального знания в арабских странах. Следующие публикации будут охватывать более значительный хронологический период и представят обзор публикаций по данной проблематике. Хотя этому обзорному докладу несколько мешает его схематичность, автору удалось описать поле социальных наук в арабском регионе и обозначить формирующие его силы.

> Социальные науки и арабские социальные трансформации

Концептуализация институционального устройства социальных наук является самой сильной стороной Доклада Бамьеха, поскольку она помогает социальным исследователям на практическом уровне вырабатывать новые стратегии в меняющемся публичном пространстве.

Эмпирические данные показывают, «естественным домом» социальных наук в регионе являются арабские университеты (48% вузов имеют программы по социальным наукам). Сбалансированное распределение дисциплин - экономики, социологии, психологии, политологии и истории - поддерживается широкой сетью, состоящей из, по крайней мере, 436 научно-исследовательских центров и профессиональных сообществ, представленных в большинстве стран, и 217 научных журналов. В исследовании также выявлены интересные тенденции: арабские социологи владеют несколькими языками и все больше ориентированы на международную коммуникацию; львиная доля университетов и исследовательских центров региона находится в Алжире и Египте.

Эти цифры обнаруживают другую реальность: арабские социологи сталкиваются с напряженностью между императивом производства и накопления знаний, и необходимостью распространять информацию, участвовать в социальных изменениях и поддерживать их. Бамьех обсуждает возрастающее значение «нетрадиционных акторов» поля социальных наук, таких, как организации гражданского общества. Он убедительно показывает, что НКО «не только используют данные социальных наук, но и активно их производят [...], руководствуясь своими целями». Примеры такой активности представляют такие панарабские институты, как Бейрутский центр объединенных арабских исследований и Арабский центр исследований политики в Дохе, чья известность и влияние стали более значимыми, чем результаты университетской науки. Отмеченные институциональные трансформации делают особо актуальной дискуссию о влиянии этой эволюции на производство знания и его содержание. Хотя, как предполагает автор, подобные исследовательские центры все же не могут заменить академические организации, развитие «неконвенциональных» пространств и акторов несомненно свидетельствует о кризисе «формальных» институций бытования социальных наук.

>>

Комментарии Бамьеха о роли гражданского общества и исследовательских центров показывают, что автор признает их практический вклад в формирование баз эмпирических данных о состоянии общества, а также в эпистемологический дебат, но очевидно автор отдает предпочтение «академическим сообществам» перед теми, которые он обозначает термином «квази-академические сообщества». Учеными и интеллектуалами, по его мнению, достойны называться профессионалы, вовлеченные в разработку аналитически выверенных методологий, формирующие достоверные выводы и получающие научное признание – обычно «находясь на определенной дистанции [...], не погружаясь в перипетии повседневной борьбы и не воспроизводя всем известные политические позиции, которые не дают нового знания». Анализируя публикации журналов и газет, Бамех выделяет такие критерии научности, как «глубина» (понимаемая как «комплексный взгляд на феномен» или «научное содержание»). При оценке качества публикаций он отмечает методологические основания исследований. Таким образом его отчет о состоянии поля социальных наук в арабских странах написан в привычном жанре академического исследования, скорее, чем в жанре policy paper.

Описанные нами предпочтения служат иллюстрацией авторского видения революционной эпистемологической трансформации, особенно в свете дебата об исторических трансформациях, связанных с Арабской весной, и полем социальных наук арабского мира. Мы можем возразить, что автор плывет против течения, придерживаясь классической точки зрения на то, что составляет эпистемологическую «революцию» и не уделяя достаточного внимания трансформирующему воздействию Арабской весны на новое поколение арабских социологов, «поколение Арабской весны» - профессионалов, чьи взгляды и стремление к переменам сформировались под влиянием их общественной активности.

Представление Бамьеха о беспристрастном, изолированном и объективном арабском социальном ученом как некоем идеале тоже можно подвергнуть критике. Значение Арабской весны как эпистемологической революции заключается в том, что она призывает отойти от

взгляда на социальную реальность как разрушительное грязное место, требующее дистанцированного взгляда, и повернуться лицом к обновленной «заземленности» (groundedness), которая делает исследование созвучным общественным aspirations, а не пытается их дисциплинировать, загоняя в строгие, часто плохо подогнанные, рамки.

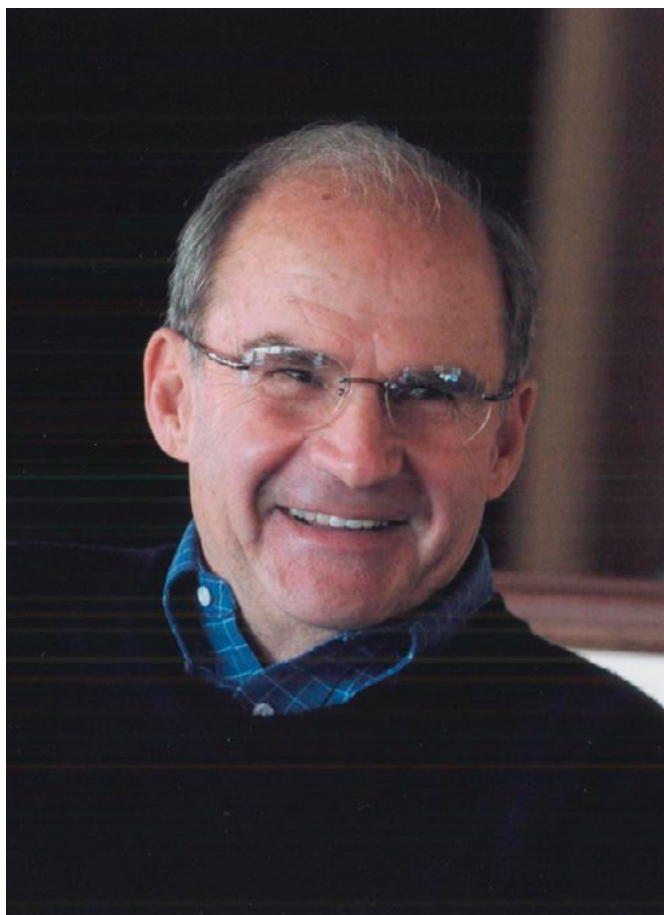
> Заключение

Выводы Мохаммеда Бамьеха несколько отличаются от моих. Бамьех ставит перед собой задачу исследовать обширное поле, глядя в прошлое и будущее Арабской весны. При этом в его Докладе только фиксируется направление развития и описываются проблемы, но не предлагается выхода из ситуации. В заключении он призывает содействовать дальнейшему развитию социальных наук, а не ограничиваться пустой декларацией, утверждающей, «что социальным наукам обеспечено надежное положение, позволяющее использовать их во всем многообразии форм». Это видится ему конечной целью, однако цель эта в некотором роде «закольцована», принимая во внимание то обстоятельство, что арабские общественные науки еще должны понять свое значение в свете нынешних социальных потрясений.

Вместо того, чтобы обсуждать проблему «представленности» социальной науки в публичном пространстве, возможно, мы должны задаться более насущными проблемами, связанными с «неизменностью», «устойчивостью», «преемственностью» и «выживанием». Мы должны обсуждать темы, волнующие «поколение Арабской весны», уходить от абстрактного обсуждения институциональных параметров и методов производства социального знания, анализировать кризисную позицию, в которой оказались сегодня социальные науки стран арабского мира. Пока арабские социальные науки ищут свою идентичность, у нас есть возможность сформулировать новые повестки дня, отвечающие интересам нового поколения исследователей и общества. Возможно, этот обзор состояния социальной науки в арабском мире будет способствовать активному диалогу, который необходим в данной ситуации. ■

Корреспонденцию направляйте Идрису Джебари на адрес idrissjebari@gmail.com

> Джордж Ритцер о макдональдизации и протребительстве

Джордж Ритцер.

Джордж Ритцер – один из основных толкователей глобализации, заслуженный профессор социологии в Университете штата Мэриленд (США). **Лабинот Кунушевци** – студент факультета социологии Университета Приштины (Косово) – провел интервью с Ритцером в рамках проекта, посвященного влиятельной социальной теории. Ниже мы приводим отрывок из интервью.

ЛК: Профессор Ритцер, широкую известность получила разработанная Вами концепция «макдональдизации» – рассматриваете ли вы ее как форму культурного империализма или просто как результат свободного соревнования на рынке?

ДР: Многие мои работы, издававшиеся с начала 1990х годов, опираются на концепцию культурного империализма. В книге «Макдональдизация общества», впервые опубликованной в 1993 году, «макдональдизация» рассматривается как сила культурного империализма, обладающая характерными принципами (производительность, предсказуемость, вычисляемость, контроль, а также нерациональности, связанные с этими рациональными системами). Эта сила экспортирована из американского общества, где она получила базовое развитие, в другие страны мира. Принципы организации, о которых я пишу, воплощены в форме ресторана «Макдональдс» и других формах глобализации американского бизнеса, но что еще более важно, они прокладывают свой путь в локальный бизнес и многие другие институты (например, образовательные и религиозные учреждения).

В своей книге «Выражая сущность Америки: критика глобального общества кредитных карт» (1995) я обсуждаю еще одну форму культурного (и экономического) империализма – глобальное распространение еще одного американского продукта, кредитной карты. Кредитная карта помогла распространить американскую культуру долга и консюмеризма, феномена, который я обсуждаю более подробно в своей книге «Очаровать разочарованный мир: как провести революцию средств потребления» (1997). Категория «средства потребления» является развитием марксистского понятия «средства производства». Основными местами потребления в США являются фаст-фуд-рестораны, шоппинг-центры, тематические парки (например, Дисней), казино в стиле Лас-Вегаса, круизные лайнеры. Все это экспортируется по всему свету, а также становятся привлекательными туристическими направлениями. Часто они отличаются колоссальными размерами, окружены «магическим», практически религиозным, ореолом. Это заставляет меня называть их «храмами потребления». Они глобализируются и несут за собой в разные уголки мира гиперконсюмеристское общество, так свойственное Соединенным Штатам.

>>

Наиболее важной книгой на эту тему для меня является «Глобализирующееся Ничто». Я определяю «ничто» как социальные формы, централизованно воспринимаемые, централизованно контролируемые и в которых при этом отсутствует какое-либо содержание. Как обычно, «Макдональдс» и его продукты (например, БигМак) являются идеальными примерами этого феномена, но «ничто» постоянно и успешно глобализируется, особенно в храмах потребления. Глобальное «ничто» приводит к маргинализации локальных форм «чего-то» (локально воспринимаемого, контролируемого и насыщенное особенным, своеобразным содержанием). Итак, мы создали мир, который буквально характеризуется как «ничто»!

ЛК: Вы расширили ваши идеи о глобальном потреблении и распространили их на мир университетов. Что бы Вы могли сказать о современном университете?

ДР: Я нередко называю современный университет МакУниверситетом. Дело в том, что он макдональдизировал образовательный процесс, фокусируясь на производительности, предсказуемости, вычисляемости и контроле. Это помогло создать массовые образовательные системы, но для них характерна иррациональность рациональности – и это негативно сказывается на качестве образовательной системы и на качестве образования. Макдональдизация университета сегодня напоминает влияние фаст-фуд-ресторана на качество еды (вы можете купить большой гамбургер, но не факт, что получится приобрести вкусный). Макдональдизация заставляет университеты придерживаться статуса-кво, а не противостоять ему. Мне кажется, МакУниверситеты все более монополизируют знание и его распространение. Моя последняя работа, посвящена «потреблению» – смеси производства и потребления. Студенты всегда были потребителями знания – они потребляют и производят его, каждый уникальным образом. Студенты – не пассивные потребители того, что им предлагают эти системы, а

активные производители того, что в них происходит, и тех знаний, которые в них циркулируют.

ЛК: Не могли бы Вы рассказать о своих новых интересных проектах?

ДР: Большая часть моих работ в последнее десятилетие были посвящены протреблению. Мы всегда были потребителями – никогда не просто производителями или потребителями (эту бинарность модерна нам следует оставить в прошлом). Кстати, центр деятельности протребителя – Интернет, ведь мы занимаемся протреблением в блогах, на Фейсбуке и так далее. Мы также являемся потребителями в храмах потребления, где мы как «потребители» выполняем все больше и больше «работы», которой раньше занимались наемные работники (подумайте о работе, выполняемой нами в фаст-фуд-ресторанах, шоппинг-центрах, в ИКЕА и т.д.). Я продолжаю настаивать на том, что мы живем в мире «потребительского капитализма», где капиталисты предпочитают неоплачиваемых или мало оплачиваемых протребителей наемным работникам. Uber – отличная иллюстрация этого тренда; таксисты исчезают перед лицом протребителей, работающих на эту компанию. Заказывая книги в Интернете, мы не только потребляем книги (и иные продукты), мы также производим, без оплаты, наши собственные заказы. В результате книжные магазины, а также те, кто в них работает, исчезают. В результате новые капиталисты (Марк Цукерберг, Джефф Безос) становятся мультимиллиардерами, заменив оплачиваемый труд на неоплачиваемое протребление. Протребителям не только не платят, они вообще не являются работниками, и им не нужен оплачиваемый отпуск, медицинская страховка и тому подобное. Новые технологии (т.е. роботы) помогут бизнесу все больше полагаться на протребителей (или они сами станут «машинами протребления»). ■

Корреспонденцию направляйте Джорджу Ритцеру на адрес gritzer@umd.edu и Лабиноту Кунушеви на адрес labinotkunashevci@gmail.com

> Более сорока лет в международной социологии

Эдвард Тирякьян, Дюкский университет, США, член ИК МСА по истории социологии (ИК08), социологической теории (ИК16) и социологии религии (ИК22)

Постер Конгресса МСА 1974 г. в Торонто (Канада) – первого Конгресса с участием Эдварда Тирякьяна.

Я с удовольствием отвечаю на приглашение поделиться воспоминаниями о сотрудничестве, уже очень продолжительном, с Международной социологической ассоциацией. Но сразу хочу оговориться, что мои воспоминания далеко не полны и, как и все, подвержены коррозии времени; поэтому для уточнения адресую читателя к [«Краткой истории МСА, 1948–1997»](#), блестяще написанной Дженнифер Платт.

Меня всегда интересовали международные отношения, как сами по себе, так и в русле моего интереса к социологической теории. Будучи членом Американской социологической ассоциации (АСА), я работал в комитете по международному сотрудничеству, и возглавил его после того, как его председатель Рубен Хилл стал президентом МСА (1970–1974). Тогда Рубен, стремящийся вывести американскую социологию за пределы США, и пригласил меня стать членом МСА. Возможность при-

нять активное участие в ее работе представилась мне в 1974 году, когда Рубен пригласил российских социологов на восьмой Всемирный конгресс МСА в Торонто. Сразу после конгресса делегаты отправились на встречу АСА в Монреале. На обоих мероприятиях наш Комитет по международному сотрудничеству курировал зарубежных участников. Я особенно хорошо помню встречу с российскими социологами и то, как дружеская обстановка на приеме конгресса и всеобщее приподнятое настроение быстро растопили напряженность Холодной войны. Для Рубена Хила и президента АСА Питера Блау эти встречи стали настоящим триумфом социологической дипломатии.

С этого момента началось мое пожизненное членство в МСА – одна из лучших инвестиций, которые я сделал в жизни. Я вспоминаю девятый конгресс в Уппсале и то, какими интересными и развернутыми по содержанию были заседания, а также какой дорогой и современной

>>

показалась мне тогда Швеция. И, возможно, потому, что Уппсала (в отличие от Торонто или Стокгольма) – это, скорее, университетский город, а не мегаполис, на том конгрессе было мало отвлекающих моментов и при этом много возможностей для общения с учеными из разных стран. И именно это стало главной достопримечательностью на международной встрече социологов!

После Уппсалы, на десятом конгрессе МСА в 1982 г., в Мехико было много сессий на испанском – третьем официальном языке МСА, о чем не забывал напоминать Ален Турен, приветствуя латиноамериканских студентов. Турен – и это важно отметить – был настоящим прогрессивным лидером мировой социологии, имеющим большое влияние как на международной арене, так и во Франции благодаря своим семинарам по проблемам социальных изменений.

Пока шли заседания конгресса МСА в Мехико, мы оказались в центре финансовой аномалии: министр финансов Мексики заявил, что страна не сможет выполнить свои долговые обязательства. Это вызвало крупный финансовый кризис. Делегаты конгресса тщетно пытались добыть доллары в мексиканских банках, однако коммуникация в финансовой сфере дала сбой и в валютных курсах случился полный хаос. Мало того, что курсы постоянно менялись – разные подразделения одного банка могли не знать курсов, установленных центральным банком Мексики. Некоторые члены МСА, которым посчастливилось получить доступ к кредитным картам, обнаружили, что могут позволить себе «люкс» вместо стандартного номера, поскольку песо рухнул, а доллар вырос. Но далеко не всем так повезло, и многие поспешили покинуть Мексику первым возможным рейсом.

Насколько я помню, это была единственная встреча МСА, совпавшая с таким серьезным кризисом. Двенадцатый конгресс в Мадриде прошел гладко, за исключением разве что сильной жары и отсутствия кондиционеров. На тринадцатый конгресс в Билефельде в 1994 г. Ричард Гратхофф пригласил несколько социологов из Польши и других восточно-европейских стран, сохранявших социологию «в живых» во время репрессивного советского режима.

С Гратхоффом, поместившим интерпретативную социологию в центр социологической теории, у нас было много общего, и потому я был очень рад, когда он, став редактором журнала *International Sociology* (1991-1996), попросил меня продолжить работу в редколлегии. Я стал работать в журнале несколькими годами раньше под руководством его первого редактора Мартина Элброу (1984-1990). Мне очень близок фокус журнала на сравнительной международной социологии, и я рад быть его автором и рецензентом.

Хотя принимать участие во всех конференциях МСА практически невозможно (как из-за высокой стоимости поездок для человека на пенсии, так и в силу моих обязательств перед АСА, встречи которой часто совпадают со встречами МСА), я рад, что мне довелось побывать на нескольких последних конгрессах: в Монреале (1998), Брисбене (2002), Йокогаме (2014) и на последнем Форуме МСА в Вене (2016). Встречаться со старыми друзьями со всего мира (их, к сожалению, становится все меньше), знакомиться с новыми людьми, познавать новые социологические идеи в разных культурных контекстах так же увлекательно, как и в те времена, когда я только присоединился к Ассоциации – и это обязательно приведет меня в Торонто на девятнадцатый конгресс МСА в 2018 г. ■

Корреспонденцию направляйте Эдварду Тирьякяну на адрес durkhn@soc.duke.edu

> Представляем вторую японскую команду редакторов

С большим удовольствием представляем читателям «Глобального Диалога» вторую японскую команду редакторов. С момента начала нашей работы в декабре 2014 г. в данном переводческом проекте приняли участие 45 студентов Национального университета рыбного хозяйства – высшего учебного заведения, основанного в 1941 г. и аккредитованного министерством сельского, лесного и рыбного хозяйств Японии. Постоянными членами команды редакторов являются:

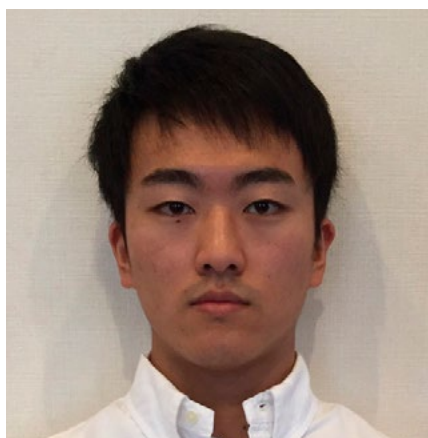
Сатоми Ямамото – ассоциированный профессор английского языка и социологии на факультете управления и распределения в рыбном хозяйстве. Г-жа Ямамото имеет степень магистра английского языка Женского университета Японии, степень магистра социальных наук, полученную в Чикагском университете и степень доктора социологии университета Иллинойса. Её текущие исследовательские интересы связаны с социологическим анализом последствий миграции нетипичных для региона пород рыб в водах США.

Фума Сэкигути является студентом старших курсов факультета пищевых наук и технологий. Он родился в префектуре Ямагути и вырос в префектуре Тиба. В настоящее время, находясь в академическом отпуске в Национальном университете рыбного хозяйства, он продолжает обучение в Университете Калифорнии. Его девиз: «поражение – путь к успеху». Фума увлекается плаванием, бейсболом, изучением английского языка.

Ютаро Симокава – студент второго курса факультета пищевых наук и технологий. В настоящее время он изучает эффективное использование, технологию обработки и пищевой состав даров моря. Причина его участия в данном проекте – желание улучшить навыки чтения англоязычной литературы, а цель – научиться с легкостью читать англоязычные академические тексты о пищевых науках.

Масаки Ёкота – студент старших курсов факультета управления и распределения в рыбном хозяйстве. Он изучал английский язык в Великобритании в 2014-2015 гг. и сдал тест IELTS на оценку 6.5. Масаки увлекается игрой в бадминтон и футболом и болеет за футбольный клуб Челси (Лондон). Его мечта – совершить кругосветное путешествие.

Такаси Китахара – студент старших курсов факультета управления и распределения в рыбном хозяйстве. В апреле 2017 г. он приступит к занятиям в Высшей школе управления ресурсами Национального университета. В своей дипломной работе он исследует состояние предприятий, развивающих непищевые аквакультуры в Японии. Его участие в переводческом проекте вызвано интересом к другим темам, не связанным с рыбным хозяйством.

Юки Накано – студентка второго курса факультета прикладной аквакультуры. Детское увлечение миром зверей и рыб привело её в Национальный университет рыбного хозяйства. На данный момент она ещё не определилась с дальнейшей карьерой, хотя и желает найти работу, соответствующую образованию. Время от времени трудности перевода с английского на японский удручают её, тем не менее она рада участвовать в проекте, поскольку это помогает ей улучшить знание английского и совершенствоваться в японском языке.